

82
Г61 К

4

А. Головина

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА

КРАСНОЯРСКОЕ
АЕВОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 3 6

на 4 эр
6 коп.

~~64686~~

Handwritten red mark at the top left corner.

Handwritten red mark on the top left of the blue card.

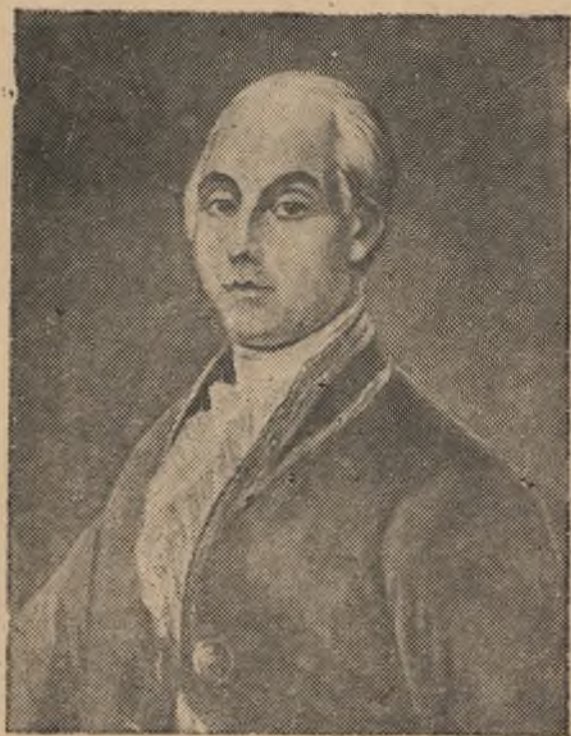
5102 FOM 2015

Handwritten red mark on the right side of the blue card.

Asuland *progr. 1843*

н
✓
А. А. ГОЛОВИНА

*„Самодержавство есть наипротивнейшее
человеческому естеству состояние“
(Радищев).*

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА

В 4-х ДЕЙСТВИЯХ и 11-ти КАРТИНАХ

КРАСНОЯРСКОЕ КРАЕВОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1936

Разрешено к исполнению Глав-
ным Управлением по контролю
за зрелищами и репертуаром
при НКП РСФСР
21 августа 1935 г. за № 5923/н.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ В КНИГЕ А. ГОЛОВИНОЙ
„А. РАДИЩЕВ“

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
70	7 св.	писем	писем,
75	10 св.	приближенный	преблаженный
80	10 сн.	Cadet	d'Cadet
86	15 сн.	Папенька еще на	Папенька на

рал-прокурор, заведующий государственной казной, 62 лет.

ПРИНЦ ДЕ-ЛИНЬ — бельгиец, австрийский подданный, на службе в России.

ШЕШКОВСКИЙ — тайный советник, обер-секретарь тайной экспедиции, 62-64 лет.

РУБАНОВСКАЯ, Анна Ивановна.

АННА
ЕЛИЗАВЕТА } ее дочери.

ВАСИЛИЙ

НИКОЛАЙ

КАТЯ, 8 лет; она же в 10 картине 16 лет

ПАВЛИК, 7 лет.

} дети Радищева.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РАДИЩЕВ, Александр Николаевич.

ЕКАТЕРИНА II—императрица, 60 лет.

КНЯГИНЯ ДАШКОВА, Екатерина Романовна—президент Российской академии наук, 45 лет.

ГРАФ ВОРОНЦОВ, Александр Романович, ее брат, президент Коммерц-Коллегии, 47 лет.

СВЕТЛЕЙШИЙ КНЯЗЬ ПОТЕМКИН, Григорий Александрович — генерал-фельдмаршал, 50 лет.

ЗУБОВ, Платон Александрович—последний фаворит императрицы, 22 лет.

ДЕРЖАВИН, Гавриил Романович—пиит, 46 лет.

ГРАФ БЕЗБОРОДКО, Александр Андреевич—государственный канцлер, 45 лет.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ, Александр Алексеевич—генерал-прокурор, заведующий государственной казной, 62 лет.

ПРИНЦ ДЕ-ЛИНЬ—бельгиец, австрийский подданный, на службе в России.

ШЕШКОВСКИЙ — тайный советник, обер-секретарь тайной экспедиции, 62-64 лет.

РУБАНОВСКАЯ, Анна Ивановна.

АННА
ЕЛИЗАВЕТА } ее дочери.

ВАСИЛИЙ

НИКОЛАЙ

КАТЯ, 8 лет; она же в 10 картине 16 лет

ПАВЛИК, 7 лет.

} дети Радищева.

ДУНЯША—крепостная у Рубановских

УШАКОВ, Федор Васильевич

КУТУЗОВ Алексей

РУБАНОВСКИЙ Андрей

НАСАКИН

УШАКОВ Михаил

ЯНОВ

ЧИЛИЩЕВ

КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ

КНЯЗЬ НЕСВИЖСКИЙ

МАЙОР БОКУМ—сопровождающий студентов в Лейпциг.

МИХЕИЧ—дядька.

ИВАН ПЕТРОВ—стражник.

НАСТАСЬЯ.

ОФИЦЕР.

МАЛЫШЕВ—исправник.

ПНИН, Иван Петрович—писатель.

ДОКТОР.

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР у гр. Воронцова.

ПРИКАЗНЫЙ (без слов).

молодые дворяне, отправленные Екатериной II в Лейпцигский университет.

Время действия в царствование Екатерины II
с 1767 года по 1802 год—уже при Александре I.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

В ЛЕЙПЦИГЕ. 1767 ГОД

Одна из комнат в общежитии студентов, посланных Екатериной II учиться в Лейпцигский университет. В комнате нечисто, обстановка бедная, изразцовая печь, две простых деревянных кровати, два стола, полки с книгами и несколько стульев.

Радищев сидит съевшись около печки, на плечах накинут тулупчик. Он углублен в чтение. Федор Ушаков лежит в кровати, около него на табурете несколько книг и чернильница.

Ф. УШАКОВ *(бросая писать, трет руки, дует в них).*
Ух, холодно! Нас заморозить хочет „Казны студенческой стяжатель“—Бокум. Третий день, подлец, не топит. Перо не держится в руках. И мысли стынут.

РАДИЩЕВ. Федор Васильевич, я тебя еще тулупчиком прикрою, а сам я в одеяло завернусь. *(Вскакивает и покрывает Ушакова своим тулупом, сдерживает с кровати одеяло и, сложив его, надевает на плечи.)* Да разомну замерзнувшие члены и кровь застывшую в движенье приведу—попрыгаю. *(Начинает, напевая менуэт в быстром темпе, прыгать приседая до полу, швыряя руками и ногами.)*

Ф. УШАКОВ. Ха, ха, ха! Ты как лягушка скачешь, долговязый Сашка! Насмешил!

РАДИЩЕВ. Зато согрелся! Читать Гельвеция могу я продолжать. И мысль великого философа в моей башке течение плавное опять обрящет, а то остановилася на точке замерзанья.

Ф. УШАКОВ. Остер ты, Сашка! Я сам с тобой охотно бы

лягушкою попрыгал, да вот лежу, как пень, больной...

РАДИЩЕВ *(подсел к нему на постель)*. Федя! И чего тебя болезнь так мучит!

Ф. УШАКОВ *(мрачно)*. Сам я виноват. Мне двадцать три... а чувствую себя я стариком — не в меру веселился, силы все растратил... когда у тайного советника Теплова секретарем служил... все по балам таскался, да с бабами амуры разводил. Ты, Саша, чистый юноша, таким подольше оставайся. Ум в ясности свой сохрани — он у тебя изрядный, на удивленье быстро все науки постигаешь... А повеселиться ты успеешь, тебе восемнадцать только, от жизни все еще возьмешь.

(Входит Алексей Кутузов)

КУТУЗОВ. Ну, что? Совсем замерзли, ученые мужи? А я по улице прошелся, так согрелся. Там право же теплее, чем в наших погребах. О чем беседуете вы, мудрейшие сократы?

РАДИЩЕВ. Да, как обычно, обо всем. Ты что ж не занимаешься, Алеша, а гуляешь?

КУТУЗОВ. Гуляешь... Надо же согреться. *(Берет книгу.)* Ну-с, сделаем экскурс в историю французов.

РАДИЩЕВ. Я чем больше книг читаю, тем больше хочется еще читать! Сколь много светлых мыслей рождается в главе... И мнится — как прекрасно быть сочинителем! Своим учением, силой своих мыслей на души и умы влиять; бороться с тьмой, невежеством и рабством. Вести весь мир к иному бытию! И жить хотелось бы мне долго-долго, чтобы увидеть самому — как высоко, к каким вершинам может привести ум человеческий.

КУТУЗОВ. Мечтатель ты, Радищев. Ты как пиявка — тебя от книг не оторвешь! И будешь

ты у нас философ, несомненно, или восторженный пиит.

Ф. УШАКОВ. И я уверен, что Александр не будет заурядным человеком.

КУТУЗОВ. А для начала напиши-ка мне стишки, да почувствительней, чтоб за душу хватало. А я потом Амальхен отнесу... Пускай, подумает, что сочинитель—я, авось поблагосклонней станет. Ведь на меня смотреть не хочет! Неравнодушна к вам двоим. Но только в преферансе кто из вас—никак не разберусь. С умильным личиком Амалия вздыхает: „Ах, какой красивенький Радищев! Ах, какой прекрасный Ушаков!“

РАДИЩЕВ. Брось глупости болтать, Алеша, ты лучше книгами займись.

КУТУЗОВ. Профессора довольны мной, хоть времени на книги трачу мало. А ангелочка в кудерьках поймать большая мне охота. Ну, Сашенька, напишешь?

РАДИЩЕВ. Отвяжись, Алешка, сам пиши!

КУТУЗОВ. А я считал тебя великодушным... добрым... Что ж, с горя, о французах прочитаем. *(Некоторое время все заняты своим делом, потом Кутузов отрывается от книги и обращается к Ушакову.)* А все-таки во Франции философы добились общественной свободы хоть отчасти, но орден иезуитов отменили в шестьдесят втором году.

Ф. УШАКОВ. Да, а за ними энциклопедисты затронули важнейшие вопросы политики и социализма, чем подняли великое брожение умов... не только у себя в стране, но и повсюду.

РАДИЩЕВ. Лишь не у нас в России. Там у нас читающих людей не много. Тем паче книг таких на русском языке не водится совсем. А вот во Франции так

каждый школьник начал думать о государственном устройстве.

КУТУЗОВ. А ты откуда знаешь?
РАДИЩЕВ. И разве ты забыл, когда писатель Гримм, заехавши проездом из Парижа к нам, беседовал со мной и Ушаковым... и многое нам рассказал.

КУТУЗОВ. Что ж рассказал он?
РАДИЩЕВ. То, что во Франции брожение умов и настроение народа—предвестник революции большой. Страна стоит, как на вулкане. Да и про школьников он тоже рассказал, да так сердито, видно, что ему не нравится все это. А мне так мнится, что так оно и должно быть, и каждый гражданин подумать должен о народном благе.

(С шумом врывается Андрей Рубановский, таща в охапке много завернутых в холстинку свертков).

А. РУБАНОВСКИЙ. Федор Васильевич! Сашка! Маменька с оказией прислала мне гостинцев и письмо. Сейчас прочту для смеха, а потом жрать будем! *(Водружает принесенное на стол, из кармана вытаскивает письмо, читает.)* „Андрюшенька, родной мой, небось ты похудал, мне сказывали—путеводитель ваш, подлейший майор Бокум, крадет отпущенные на пропитание студентов деньги, и печи вам не топят... Лучше брось науки—приезжай, коль хочешь видеть свою мать спокойной. Пока же я сходила к княгине Трубецкой. Она все уже тоже знает; а также то, что сын ее под стражу Бокумом посажен за малую вину. Мы вместе с нею к государыне пойдем и все расскажем, пусть негодяю, казнокраду, детей погубщику“... *(Взрыв хохота).*

Ф. УШАКОВ. Хороши младенцы! Особенно ты, Анд-
рюшка! В плечах косая сажень и мор-
да—во! *(Надувает щеки и разводит ру-
ками, показывая округлость лица Анд-
рея)*

А. РУБАНОВСКИЙ. А ну, тебя! *(Доканчивая читать.)*
„Детей погубщику побольше будет на-
хлобучка. Родной ты мой, все сердце из-
болело“... Ну, довольно маменькины из-
лияния читать, а то заплачу! Пойду об-
жор всех созову, небось животики всем
подтянуло. *(Вскакивает, подбегает к две-
ри и орет в коридор.)* Эй, Мишка Уша-
ков, зови там всех на пир... к старей-
шему из нас в хоромину, к Федюхе
Ушакову. Да пива захватите—деньги
есть *(отходит от двери.)* Родительни-
ца и об этом не забыла *(Подходит к
столу, разворачивает.)* Ну, Саша, помо-
гай... На, ешь пирог, не жди когда дру-
гие соберутся; с лица ты больно бледен.

РАДИЩЕВ. Нет, мне не хочется.

А. РУБАНОВСКИЙ. Ну, ну, не церемонься... поду-
маешь! Из Смольного девица! Небось
все время на картофельной похлебке
просидели, теперь отведай пирогов рос-
сийских. *(Вваливается шумно несколь-
ко студентов, неся в руках несколько
больших немецких кружек пива; среди
них и Трубецкой).*

ЯНОВ. Вот принесли. Фриц Каульбах нам от-
пустил в кредит.

НЕСВИЖСКИЙ. „Вы мои соседи, сказал он, и бла-
городным господам я верю“!

А. РУБАНОВСКИЙ. Сюда, сюда, давайте нектар бо-
жественный!

РАДИЩЕВ. И Петя Трубецкой пришел?

ТРУБЕЦКОЙ. Меня сегодня из-под стражи отпустили.

А. РУБАНОВСКИЙ. Вот мы и отпразднуем твое ос-
вобождение.

(Все группируются у стола, разворачивают свертки.)

КУТУЗОВ. Тебе прислали ветчины, колбас копченых.

НЕСВИЖСКИЙ. И паштетов!.

ТРУБЕЦКОЙ. Ой, есть как хочется!

ЯНОВ. Варенья! Пастилы! Вот пир-то будет... чудо!

Ф. УШАКОВ. И у меня явился аппетит. (С трудом встает с постели и садится около стола.)

РАДИЩЕВ (жует в сторонке пирог, не выпуская книжки из рук).

(Вбегают худенький тщедушный студент Насакин, очень взволнованный).

НАСАКИН. Федор Васильевич, я к тебе... мне посоветоваться нужно... (С негодованием оглядываясь на дверь.) Вот скотина!... Вот негодяй!...

А. РУБАНОВСКИЙ (с полным ртом). Кто негодяй? Ты толком говори.

НАСАКИН. Наш путеводитель—Бокум! Он меня ударил!! (Разревелся, сел на кровати).

(Радищев молча к нему подходит. Глаза его полны изумления).

Ф. УШАКОВ. Ну, что разрюмился, как баба? Говори...

НАСАКИН. Я пошел сказать ему, что я совсем очоченел, что в комнате вода в кувшине замерзает... а он меня болваном обозвал и по щеке ударил!..

СТУДЕНТЫ. Вот негодяй!.. Подлец!..

А. РУБАНОВСКИЙ. По истине „младенцев погубитель“...

РАДИЩЕВ. И он тебя так оскорбил? (Подсел к нему).

НАСАКИН. Я его убью!!!

Ф. УШАКОВ. Постойте, господа, все это надо обсудить и меры предпринять.

ЧИЛИЩЕВ. Ты сатисфакции потребуй.

А. РУБАНОВСКИЙ. Да просто в морду дай...

Ф. УШАКОВ. Рубановский, не дури. Надобно на дело посмотреть серьезно—в лице Насакина он всех нас оскорбил... и надобно все наглости его прикончить. На дуэли драться он с тобой не будет—скажет: „ты мальчишка, а я начальник твой“... *(после паузы)* пожалуй, Рубановский прав... и надо... по лицу ударить, оскорбленье возвратить ему.

А. РУБАНОВСКИЙ. Я говорил, что надо по мордасам.

НАСАКИН. Но ведь тогда меня сживет со света изверг!

СТУДЕНТЫ. Не бойся—мы все тебя возьмем в защиту. Мы ему покажем, куда Макар телят не загонял!

КУТУЗОВ. Довольно он над нами издевался!

НАСАКИН. Он „тыкает“ нам всем. Как будто перед ним не взрослые,—мальчишки.

РАДИЩЕВ. Он даже Федор Васильича на „ты“ зовет.

ТРУБЕЦКОЙ. И я ему арест свой не прощу!

А. РУБАНОВСКИЙ. Он хвастался, что клетку изобрел для нас с железными и острыми углами...

ЯНОВ. Его бы самого в ту клетку посадить, зверюгу.

Мих. УШАКОВ. Казнокрад негодный... все Бокумше наряды покупает... да в ресторациях кутит.

(В дверях появляется майор Бокум в сопровождении дядьки Михеича).

(Бокум — огромный мужчина с широкими плечами, с огромным животом; лицо, налитое алкоголем, ничего, кроме тупости, не выражает).

А. РУБАНОВСКИЙ *(простирая руку в направлении Бокума, притворяется, что не видит его)*. Сие не человек, а погребец для склада пищи и вина.

БОКУМ. Ты это про кого?

А. РУБАНОВСКИЙ. Про тех, кто много жрет и водку хлещет.

- БОКУМ *(злбно)*. Болван! Что тут за сборище? Лентяи! Вместо того, чтобы науки постигать, вы здесь набиваете желудки? Марш по своим углам!
- Ф. УШАКОВ *(спокойно)*. Ну, вы потише, милостивый государь!
- РАДИЩЕВ. У нас к Вам дело есть.
БОКУМ. Какое дело? Это что еще? *(Желая увильнуть от разговора.)* А был сегодня ты в университете?
- РАДИЩЕВ. Конечно был. *(Значительно и с уважением.)* Сегодня Геллертова лекция была.
- БОКУМ *(поворачиваясь по очереди ко всем студентам, держа руки в боки)*. А ты?
- ЯНОВ. Был.
- ЧИЛИЩЕВ. Был!
- М. УШАКОВ. Был!
- А. РУБАНОВСКИЙ *(во все горло)*. Был!
- БОКУМ *(к Насакину)*. А ты?
- НАСАКИН *(нервно)*. Я не был... Я простужен. Об этом вам уж говорил, что голова болит и ноги ломит...
- БОКУМ. Вот я тебя назад в Россию отошлю. Ты знаешь государынин приказ? Чтоб тех, которые в науках нерадивы, посылать обратно. Не тратить понапрасну на лентяев царицыну казну.
- НАСАКИН. Я учусь не плохо!.. А—что здоровьем слаб, так в том не виноват, кормили бы получше нас; да холодом не мучили... Вот Радищев от вашей пищи вечно животом болеет, а учится... так лучше всех!..
- РАДИЩЕВ. Да, правда, Егор Федрыч, не мешало бы говядину свежее покупать.
- А. РУБАНОВСКИЙ. А то приходится бедняжке пост великий соблюдать.
- БОКУМ *(Радищеву)*. Ты, захудалый дворянин, молчи!
- РАДИЩЕВ. Причем тут дворянин? При чем тут захудалый? Я не пойму.

- БОКУМ. Небось у батюшки похуже пищею питался.
- РАДИЩЕВ. Как грубо вы беседуете с нами. Сие доказывает малое развитие. Вам не мешало бы послушать вместе с нами кое-какие лекции, хотя бы Платнера „О добродетели и долге человека“.
- А. РУБАНОВСКИЙ *(тихо)*. Ай да Радищев! Просветить зверюгу захотел.
- БОКУМ *(Радищеву)*. Ты что? Советовать наставнику дерзаешь? Я те покажу!!! *(Толкает Радищева.)*
- РАДИЩЕВ. Зачем толкаете меня так неучтиво?
- БОКУМ. Подумаешь—какой маркиз!
- ЧИЛИЩЕВ. Насакин, не плошай... и начинай что по решили.
- НАСАКИН *(к Бокуму, волнуясь)*. Милостивый государь! Я требую от Вас удовлетворенья.
- БОКУМ. Удовлетворенья? Ты что с ума сошел, щенок?
- НАСАКИН. Коль я щенок, то вы—пес старый!
- МИХЕИЧ. О, господи!
- БОКУМ *(заревел)*. Что? Что?..
- НАСАКИН. Вы смели оскорбить меня... так получите ж оскорбление обратно! *(Ударяет его по лицу. Все студенты вскакивают, готовые оказать помощь Насакину.)* Да еще придачу... *(ударяет другой рукой.)*
- СТУДЕНТЫ. Вот здорово, Насакин! Молодец!
- МИХЕИЧ. Ой, Николай угодник! Что-то будет! Что-то будет! *(Схватился за голову)*
- БОКУМ *(струсив и растерявшись, сорвал с себя парик, которым размахивает)*. Да это бунт! Мятеж!.. Михеич, защищай!!! Скорей сюда полицию зови! Они меня убьют! *(Убегает под улюлюканье и хохот студентов.)* Всех негодяев арестую!

Картина вторая
У РУБАНОВСКИХ. 1775 ГОД.

В Петербурге у Рубановских. Лето. Яркий солнечный день. Анята сидит на ступеньках террасы и горько плачет. Вбегает Лиза.

- ЛИЗА. Анэтка! Ты что погоду ясную испортить хочешь? Дождь из глаз пускаешь... Ну, что случилось, говори! (*Подсела, обняла.*)
- АННА. Ах, Лизанька! Когда бы ты была постарше, так все б тебе я рассказала... я жить не буду... я умру...
- ЛИЗА. Вот глупая! Хоть ты годами и постарше, да я побольше тебя знаю. Я в девичьей наслушалась не мало...
- АННА. Ничего не можешь знать ты! Так болтаешь!
- ЛИЗА. Ты не распаяйся, Анночка... Глядишь—тебе я помогу... Я знаю—маменька тебя обидела, да чем—я догадаться не могу! (*с отчаянием*). Она мне наотрез сегодня объявила, чтоб я не смела даже думать о Сашеньке моем; что выдаст замуж иль за сенатора какого, иль за графа, иль за помещика, который побогаче, а не за чиновника, который в небольших чинах, да с захудалой деревенькой... что я дочь Рубановских и при дворе... найдутся женихи получше. А я его со всей горячностью люблю!.. И... Лизанька... ах, Лизанька, что делать? Ведь я его жена уж перед богом... про то никто не знает, тебе я первой говорю... Что делать-то? Что делать-то, скажи?
- ЛИЗА. Анэтка, не реви, в том нет несчастья, а, наоборот! Теперь уж маменька вас повенчает. А я как кончу Смольный, так к вам приеду жить. А вы побольше деток разведите... а я твоих Надюшек, Колек, Васек нянчить буду и замуж не

пойду... потому что нет на то мне счастья... я Александра Николаича ведь тоже полюбила и... будь ты для меня чужая, так отбила б. Хоть и дурнушка я, да смелости во мне хоть отбавляй! Да ты чего уставилась на меня, как истукан? Не бойся—я не стану отбивать, потому что я тебя люблю превыше всех на свете, потом подружку Глашеньку, а потом уж Александра Николаича твою чуть-чуть!

(Входит Рубановская).

РУБАНОВСКАЯ. Ну, дочки, мы сегодня получили приглашение на завтра в Эрмитажный парк, на фейерверк и танцы... на театре тоже будет представление. Аннэт, я приказала Машке с Дунькой на платье новое твое из роз веночки понашить, ты посмотри там, чтоб не накривили.

АННА. Нет, маменька, я ехать не могу.

РУБАНОВСКАЯ. Не можешь ехать? Почему?

ЛИЗА (сразу, подходя к матери, начинает атаку). Маменька! Мне мнится, что вы хотите бабушкой стать допреж того, как ваши дочки замуж выйдут.

РУБАНОВСКАЯ. Что мелешь ты? Я в толк никак взять не могу.

ЛИЗА. А то, что за Радищева Аннэту выдайте скорее.

РУБАНОВСКАЯ (так и осела). Что? Что? Зачем сестру порочишь! Да как язык-то повернулся? Нет, нет, не девка ты... Казак из стана Пугачева! Ума решилась что ли?

ЛИЗА. Казак я не казак, а дочка ваша и Аннэтке добра хочу.

РУБАНОВСКАЯ. Не дочка, нет! Ты... фигурантка!

ЛИЗА. Что же фигуранткой быть неплохо! Я б хотела! И государыня сама смеялась, когда в Вольтеровой комедьи „Расточи-

тель“ мадам де-Крупильяк я представляла.

РУБАНОВСКАЯ. Молчи, необразованная дура!

ЛИЗА. Необразованная? Я? Во-первых, маменька, я с вензелем на банте кончу Смольный и камер - фрейлиною при царице буду. А во-вторых, для столбовой дворянки душой выразаться не подходит.

РУБАНОВСКАЯ. Лизутка, замолчи. Как смеешь матери так отвечать? Тебе хоть и приколют вензель, да во дворец не пустят и фрейлиною ты не будешь.

ЛИЗА. Нет, буду, буду, буду!

РУБАНОВСКАЯ. Не смей ты матери перечить. Во фрейлины берут девиц благовоспитанных и благонравных, а не сорви - голов. Вот Анну взяли б, если б с нею не случилось... Ой, дурно мне, ой сердцу тошно!

АННА. Ах, маменька! Простите! *(Хочет поддержать ее.)*

РУБАНОВСКАЯ. Не подходи! Убью!... *(Подняв кулаки уходит. Анна — за ней.)*

АННА. Простите, маменька, простите! *(Ушли.)*

ЛИЗА. *(совсем обескураженно)*. Ну, вот сосватала. Эх, дура я! Анюте только навредила. *(В задумчивости селана ступеньки.)* Сейчас приедут все к обеду, и дядя Андрик и Радищев, а тут такой скандал.

(Входят из сада Андрей Рубановский и Радищев.)

А. РУБАНОВСКИЙ. Лизутка! Здравствуй! *(Целует ее в щеку.)* Что хмурая сидишь? Где Вася?

РАДИЩЕВ. Мое почтенье, Елизавет Васильевна!

ЛИЗА. Какое там Васильевна, я просто Лиза. *(Андрею.)* Папенька пошел купаться.

А. РУБАНОВСКИЙ. А маменька?

ЛИЗА. А к маменьке сейчас и не ходите... Особенно вот... Александр Николаич...

РАДИЩЕВ. Почему?

ЛИЗА. Она находится в великом распадении...
(Неожиданно.) И Анну не отдаст за вас!

(Радище в смущен, не находит что сказать).

А. РУБАНОВСКИЙ. Ну что ты, пиголица, понимаешь? Александр, ты не унывай... Я брата уж почти уговорил, теперь возьмемся за другую половину. Иди вперед, а я в резерве буду. И не стесняйся, говори, что в чине повышение получишь.

РАДИЩЕВ. Нет, дорогой Андрей, я все скажу по правде,—что я в отставку собираюсь; займусь пока литературными трудами; что мне сейчас и предлагают в коммерц-коллегию ассессором, но я еще повременю. Я должен получить наднях большую сумму за переводы Вольтера и Гельвеция... а также и Мабли... (Шутя.) Философы сумеют прокормить до времени мою семью.

ЛИЗА. Александр Николаич! Верно! Мне Анночка стихи читала ваши — очень хороши! Дядя Андрик, идемте все (берет их за руки) и маменьку уговорим! Небожь, как атакуем разом, так крепость сдастся!.. Не устоит!..

Картина третья
У ВОРОНЦОВА. 1789 ГОД.

Кабинет Воронцова. Граф, удобно расположившись в кресле, читает журналы. Около него, на маленьком столике кофейный прибор, графинчики и рюмки.

КАМЕРДИНЕР (входя). Ваше сиятельство, княгиня Дашкова. Изволите принять?

ВОРОНЦОВ. Ну да, конечно, пригласи сюда. (Лакей ушел. Воронцов поднимается, идет навстречу входящей Дашковой.) Сестрица, здравствуй!

ДАШКОВА. Здравствуй, Alexandre. Ты видишь—

сильно я волнуюсь... Ну, спрашивай скорее — отчего!..

ВОРОНЦОВ. Ты, мой ангел, как всегда в нервническом и раздраженном состояньи... Успокойся. Хочешь кофе?

ДАШКОВА. Я потеряла аппетит...

ВОРОНЦОВ. Ах, вон как? Что ж случилось?

ДАШКОВА. Твой любимчик... твой вежливый, талантливый Радищев... написал памфлет. В памфлете этом я—мишенью! Гони его со службы к чорту!

ВОРОНЦОВ. Ой, ой, Катрин! Моя изящная, красивая сестренка... и вдруг такие expressions...

ДАШКОВА. Мы здесь одни... Тебя я не стесняюсь... Хочу излить я чувство раздраженья и всех чертей и дьяволов на голову Радищева призвать! Подумаешь — писака! Смеет говорить, что я знаю плохо свой родной язык! Как будто бы с французского перевожу.

ВОРОНЦОВ. Зато ругаешься по-русски.

ДАШКОВА. Ах, не дури, пожалуйста... Он, может быть, находит, что не по праву я занимаю место президента Академии наук? Так не ему судить об этом!

ВОРОНЦОВ. Он и не судит.

ДАШКОВА. Академик Эйлер, первый математик, признанный всем миром, вот какое мнение обо мне имеет: что в России едва ль найдутся женщины, которые могли бы приравняться по образованию и по уму к княгине Дашковой и к государыне Екатерине. А твой „таможенный чиновник“ смеет говорить, что я не знаю языка! Нахватался за границей развязности и вольнодумства.

ВОРОНЦОВ. Ведь и сама, Катрин, ты увлекалась передовыми взглядами Дидро, Вольтера и Руссо...

ДАШКОВА. Да и Гельвеция „О разуме“ я дважды прочитала. Но увлекаться можно „так

и сяк"! Учение Гельвеция расстроить может связь и гармонию всех обществ, если хорошенько в нем не разобраться, не говоря уже о дикости софизмов пресловутого Руссо.

ВОРОНЦОВ. Да ты, Катрин, меняешь свои взгляды и все чаще по мере укрепления дружбы с Екатериною великою своей. Она ведь тоже в политических вопросах „вспять“ пошла.

ДАШКОВА. Сарказм твой здесь ни при чем. Я государыню не только что люблю, а обожаю!! Нет в мире женщины мудрей, и образованней и справедливей...

ВОРОНЦОВ. (*доканчивая*). Если б около нее поменьше было фаворитов.

ДАШКОВА. Да фавориты—зло ее! И все меня поочередно ненавидят! Начиная с Григория Орлова, кончая нынешним болваном Платошкой Зубовым. Не женщиной зовут меня, а бесом! Вот дурачье! Да, если б не они, я б с государыней могла бы еще больше преобразований и пользы для отечества принести. (*Задумчиво.*) Да не дают... стараются разрушить дружбу... Интриги, сплетни, зависть, злоба в конце концов подточат могучий, энергетический характер самодержцы.

ВОРОНЦОВ. А ты, сестреночка, тщеславна.

ДАШКОВА. Вот ничуть! Ведь обо мне сужденье я вычитала как-то, будучи в Париже, в одном из политических журналов. Французы, как всегда, игриво остроумны: государыню они зовут Екатериною „большой“, меня ж Екатериной „малой“.

ВОРОНЦОВ. А что характер у „большой“ переменился, так ты, сестра, права: и милосердие ее куда-то отлетело. Екатерина год от году становится черствее по отношению к народу.

ДАШКОВА. Однако, Alexandre, я заболталась, а мне сегодня надо раньше во дворец. (*Пошла, поцеловала его, хочет уходить. Воронцов наливает рюмку и пьет.*) Ах, топ аті, я откопала презабавный документ в архиве дяди нашего; послушай, тебе на пользу будет это... письмо Екатерины первой от шаха Персии, прочту не все... отрывки, слушай: — „Великая царица, сестра благовозлюбленная мной. Надеюсь, что тебя твой бог не одарил любовью к напиткам крепким, ибо я, великий шах Персидский, имею: глаза, подобные рубинам, нос, похожий на карбункул и... огнем пылающие щеки. Все это оттого, что я пристрастие имею жажду утолять вином. Сия несчастная привычка меня к постели приковала, в которой я валяюсь день и ночь... подобно неподвижному бревну“. (*Оба смеются. Дашкова прячет письмо и говорит Воронцову очень серьезно.*) Я, как шах персидский, говорю тебе: мой милый братец, вели убраться графинчики и рюмки! Ну, прощай...

ВОРОНЦОВ.
ДАШКОВА

Adieu, топ анге, adieu... (*возвращаясь от двери*). Да, я совсем забыла... и радостью своей с тобой не поделилась: мне государыня сегодня подарила дом... и денег из казны велела выдать тысяч сорок, чтоб уплатить мои долги. Ты видишь, как меня Екатерина любит! Утром, на приеме, она меня за плечи обняла и отвела в сторонку... у Зубова от злости лицо все потемнело... Она же говорит мне: „Княгиня, ты вдова, тебе живется трудно, детей поставить на ноги пришлось, долгов наделала ты много, давши им такое всестороннее образование. Да и на себя в Париже, Лондоне ты много промотала...

А Павлик твой—красавец... Портному за мундиры платить-то нечем? Ну, так в казне возьмешь тыщ сорок“...

ВОРОНЦОВ. Ого! Совсем недурно!

ДАШКОВА. Ты знаешь, Александр, она никак не может расплатиться за то, что я ей помогла на трон усесться. *(Со смехом.)*

ВОРОНЦОВ. Она мои финансы сильно подкрепляет. Рад за тебя, Катрин. Ты и меня поздравь с удачей: англичанин Крамп прислал „большую благодарность“ за то, что я его товары совсем без пошлины провел. Мне это очень кстати—я приглядел именье, которое мне очень хочется купить.

ДАШКОВА. Опять именье? На что тебе их столько?

ВОРОНЦОВ. Люблю я нашу русскую природу... а это — чудный уголок... Совсем Швейцария...

ДАШКОВА *(с любопытством)*. А сколько он прислал тебе? Прости за любопытство, но ты ведь с детства от меня секретов не имеешь.

ВОРОНЦОВ. Вот посмотри... *(Достает изящную шкатулку.)*

ДАШКОВА *(берет шкатулку, рассматривает)*. Какая прелесть. Чудная работа. *(Открывает шкатулку.)* Посмотрим содержание... Ах, как мило! Здесь их на большую сумму... *(Взяла один золотой.)* Я возьму одну монету -- на счастье будет мне.

ВОРОНЦОВ *(ласково)*. Бери хоть две иль три, мотовка.

ДАШКОВА. Merci, merci, mon adorable frere, pour ton cadeau, que tu m'a fait *(Беря монеты.)* Un, deux, trois *(кладет их в свою сумочку и со смехом говорит.)* Et voilà. *(Берет целую горсть.)* Ну, я пошла.. Смотри не проболтайся, особенно, чтоб твой Радищев не узнал... а то с своею „чест-

- ностью“ он и тебя не пожалеет... Послушайся меня и прогони его со службы.
- ВОРОНЦОВ. Нет, нет, Катрин, не прогоню. Все дела таможни держатся на нем. Таких людей, как Александр Николаевич, и днем с огнем не сыщешь. Я даже все свои дела свалил ему на шею. Мне без него никак не обойтись.
- ДАШКОВА. Ну, как знаешь. По крайности, предупреди, чтоб сочинительством не занимался, добра и толку в том не будет, слишком вольнодумен! Я больше у себя его не буду принимать! (*Упорхнула*).

(Воронцов продолжает пить кофе, читать журнал.
Входит камердинер).

- КАМЕРДИНЕР. Ваше сиятельство, ея сиятельство графиня к себе Вас просят на минутку. А также к Вам пожаловали господин Кутузов и Александр Николаевич Радищев; прикажете их пригласить сюда?
- ВОРОНЦОВ. Да, попроси. (*Встает навстречу.*) Друзья мои, пожалуйста сюда, располагайтесь здесь... Курите, а я сейчас к вам возвращусь. (*Шутя.*) Графиня требует к себе, а я, как знаете, покорный муж беспрекословно повинуюсь...
- КУТУЗОВ. Граф, я зашел проститься с вами. Я завтра еду за границу. Вы разрешите мне пройти к графине и засвидетельствовать ей мое почтение и узнать не будут ли какие порученья?
- ВОРОНЦОВ. Пожалуйста, дружочек. (*Уходит. Кутузов задержался.*)
- КУТУЗОВ. Да, Александр, я хотел тебе сказать. Я очень благодарен за твое вниманье, но книг своих ты мне не посвящай. Не обижайся на меня... я говорю тебе по дружбе. Воспоминания твои об Ушакове написаны прекрасно... и человек он был такой, о коем написать необходимо, но

ты попутно столько вольнодумных мыслей там вкропил, что можно удивляться, как их цензура пропустила. Самодержавие пререзко осуждаешь... Ну, разве можно так писать: Правители народов не боятся прослыть грабителями, налагая на народ ни с чем несообразные налоги. Не боятся прослыть убийцами, вчиняя войны и предавая смерти тысячи людей. Нет, братец мой, уволь, с тобой как раз в темницу попадешь.

РАДИЩЕВ.

Я одинок в своих воззреньях, знаю. Но я уверен, что пройдут года, и большинство со мной согласно будет.

Подумай, Алексей. Ну, как не осуждать самодержавие, когда оно сковало, как ледяной покров, все мысли... чувства... честность, справедливость... Самодержавие, ведь, варварство, бесчеловечность, опирается на класс плантаторов, дворян! О, если бы рабы, ярясь в отчаяньи своем, разбили бы железом головы бесчеловечных господ своих и кровью нашей обагрили б землю. И государство от того не потеряло б: из их среды на смену уничтоженного класса вышли бы великие мужи совсем с иным подходом к жизни. Они стремились бы не к угнетению, а к благу общему народа. И я уверен, что это будет, что это не мечта. Я зрю через завесу времени, сквозь целое столетье...

КУТУЗОВ.

Потише, Александр, говори. Ты удивительно бесстрашен, в наш век так смело говоришь... когда кругом и стены слышат. (*Говорит пониженным тоном.*) Быть может, ты и прав, но думается мне—когда бы не был ты излишне смел в своих сужденьях, поверь никто б так не боялся с тобой в единомыслии быть. Но ты хватаешь через край. Ты отвер-

гаешь не только крепостное право...
(*Понижая тон.*) Ты обличаешь произвол там „наверху“ и топчешь в грязь основы политического быта. Нет, так нельзя. С тобой я нахожу опасным даже говорить. И я бы попросил тебя... всю нашу переписку... сжечь.

РАДИЩЕВ.

Однако, Алексей, ты стал совсем другим. (*С горечью.*) Куда пропал тот юноша горячий, который с жадностью искал пути к свободе, стараясь найти ответы на свои вопросы в учении мудрецов.

КУТУЗОВ.

Я на философов Руссо, Гельвеция, Вольтера и других смотрю теперь иначе. Все ужасы во Франции случились благодаря их вредному влиянию. Коль объяснять мир матерьяльно и бога отвергать — это значит государство в разрушение привести... устроить хаос... А то, чем был я раньше, объяснить легко — я был почти ребенок и убеждения мои устойчивыми быть не могли... Да вообще, не думаешь ли, Александр, что лучше нам оставить экскурсии в наше прошлое... довольно... ни к чему... Я более достойные и интересные пути нашел для упражнения ума и укрепления силы воли.

РАДИЩЕВ.

Ты — мартирист, я знаю.

КУТУЗОВ.

Коль знаешь... так по дружбе помолчи об этом.

РАДИЩЕВ.

Эх, Алеша, как мы с тобою далеки... За эти годы ты отошел совсем от политического и философского радикализма и ищешь примирения в масонстве.

КУТУЗОВ.

Да. И счастлив этим. Я был и буду враг бунтов и возмущенья как на деле, так и в подстрекательстве на то... пером.

РАДИЩЕВ

(*молчит*).

КУТУЗОВ.

Александр, мне обидно, что дружба на.

ша будто охладилась из-за различности воззрений. Но я уверен, что очень скоро действительность тебя заставит на многое свой взгляд переменить. Однако же мне должно торопиться. Я пройду к графине. (*Подойдя близко к Радищеву.*) Ну, Саша дорогой, прощай!

РАДИЩЕВ.

Прощай, Алеша! (*Обнялись, Кутузов быстро уходит Радищев, подойдя к окну, стоит в глубокой задумчивости.*)

(Входит Воронцов).

ВОРОНЦОВ.

Ну-с, Александр Николаевич, я к твоим услугам. Что нового мне сообщишь? Как дела в таможне? Садись, пей кофе.

РАДИЩЕВ.

Благодарю. (*Сел. Воронцов наливает ему кофе.*) Особых происшествий нет. Но, зная снисхождение и терпеливость вашего сиятельства слушать таможенные басни — упомяну о двух, случившихся у нас. Меж разными стремлениями недоплатить или, вернее, пошлину украсть, есть способ древний и нашим служащим весьма известный — дорогие вещи прятать в малопошлинные или совсем освобожденные от оной. Торговля зиждется на плутнях и обманах. Один аптекарь попытался среди лекарств и притираний просунуть ящик с блондами и рюшами в такой же упаковке, но пойман был и как он ни вертелся, но должен был платить и... с штрафом. Купец всегда останется купцом и обмануть всегда стремится, на этом зиждет благополучие свое, наживу. А крупные торговцы, как Крамп и Казалет, так те стараются сыскать таможенных людей, на подкуп падких. И в этом, надо должное отдать, преуспевают.

ВОРОНЦОВ

(*смотря в сторону, почесывает пальцем около носа*). Преуспевают?

- РАДИЩЕВ. Но с этим боремся мы неустанно.
- ВОРОНЦОВ. Да, да, бороться с этим надо. *(Взял шкатулку и спрятал в ящик письменного стола, заперев его.)*
- РАДИЩЕВ. Сей мистер Крамп веселого, общительного нрава, весьма охотно к нам в Россию приезжает — большой поклонник русского театра, а, главное, прелестных театральных фей. И к карточной игре весьма пристрастен; а в Англии ему не развернуться. В России ширь... простор... и деньгами швыряться любят.
- ВОРОНЦОВ. Да, здесь ему лафа...
- РАДИЩЕВ. А вот еще один из анекдотов: французы так же, как и англичане, да и другие нации, пожалуй, даже больше всех, стараются беспощадно товар провезть. Хоть и не очень крупный купчик, но часто приезжающий в Россию, мосье Gaillard пожелал у нас в стране набить карманы... и... все те же блонды с лентами, до которых наши модницы охочи, хотел аршинов около двух тысяч скрыть от таможенных служак. Недолго думая, он блондами и лентами весь обмотался, как шелковичный червь. Пришлось французика приблизить к предкам — к самому Адаму... Чиновники его раздели донага. Сконфузился бедняга.
- ВОРОНЦОВ. Товар конфисковали?
- РАДИЩЕВ. Да, штраф не захотел платить.
- ВОРОНЦОВ. А как дела с пенькою?
- РАДИЩЕВ. Цена немного стала повышаться, несмотря на то, что англичане товаром этим сильно запаслись.
- ВОРОНЦОВ. *(шутя)*. Вот если бы нашелся патриот и подпалил амбары англичан, большое получил бы награждение... Бывает, что отечество идет на пагубу не только что пеньки, но губит и людей миллионы! А как насчет доходов этот месяц?

- РАДИЩЕВ. Весьма отлично. (С улыбкой.) Несмотря на спрятанные и найденные блонды, плохую цену на пеньку... доход простерся до шестьсот одиннадцати тысяч...
- ВОРОНЦОВ. Недурно... Дай-ка, Александр Николаевич, рапортчики. Я посмотрю потом, сейчас я что-то заленился, увлекся чтением журналов. Хочу прочесть статьи ее величества—ведь спросит мнение о них. Необходимо будет похвалить: она не любит порицанья.
- РАДИЩЕВ. Ну, я, Александр Романович, пойду. Сегодня прибывают корабли из Дании, необходимо дать распоряженья. Товары негде размещать, пакгауз очень тесен, необходимо озаботиться постройкой новых.
- ВОРОНЦОВ. Да, да, об этом потолкуем на этой же неделе. Ну, до свиданья, друг мой, завтра не забудь: ты у меня обедаешь.
- РАДИЩЕВ. Весьма признателен. Я буду непременно.
(Ураганом влетает в кабинет княгиня Дашкова, не отвечая на поклон Радищева. Последний, поклонившись, уходит.)
- ДАШКОВА. Alexandre, я опять к тебе, меня трясет нервическая лихорадка! Ты знаешь, что случилось?
- ВОРОНЦОВ. Катрин, как экспансивна ты! Ну что, ну что? Почему могу я знать, что у тебя случилось?
- ДАШКОВА. Сейчас ко мне заехал этот сплетник и повеса граф Салтыков и намекнул мне, да так грубо, дерзко... что государыне угодно... взять в фавориты... Поля моего!!!
- ВОРОНЦОВ. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.
- ДАШКОВА. Ах, не шути! Не до того!.. Ведь он еще ребенок... ему еще нет двадцати, (с отчаянием) а ей... все шестьдесят!
- ВОРОНЦОВ. Да, дамочка в годах. Но от косметик моложава.

- ДАШКОВА. Я ненавижу эту бабу! На каждого мальчишку виснет, как...
- ВОРОНЦОВ. Остановись, Катрин!
- ДАШКОВА. Ты должен мне помочь сейчас же... Потомки пиши, чтоб сына моего немедленно в армию к себе он взял!
- ВОРОНЦОВ (*с улыбкой*). Катрин, Катрин, стой! Потомки приказывать я не могу...
- ДАШКОВА. Ты умоляй его... Проси! Иначе я с отчаянья умру... Коль ты писать не хочешь, я напишу сама.
- ВОРОНЦОВ. Вот все к твоим услугам.... перо... бумага...
- ДАШКОВА (*села писать, швыряет перо*). Ах, нет, сейчас я не могу! Нервическое слишком состояние. Ах, Alexandre, ах, как трудно плыть с „великими“ в одной ладье!!! (*Разрыдалась*).

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

ВО ДВОРЦЕ. 1790 ГОД.

Одна из внутренних комнат императрицы. На сцене, в ожидании Екатерины II, уютно разместившись на диване и близ стоящих креслах, сидят граф Безбородко, граф Воронцов и князь Вяземский

ВОРОНЦОВ. Да... интересно, какие перспективы откроются нам в нынешнем, начавшемся году...

БЕЗБОРОДКО. Наш новый фаворит совсем еще ребенок, с изящною фигурой, но с небольшим умом. Я думаю, что долго продержаться он не сможет.

ВОРОНЦОВ. Ну, не скажите. Он очень властен и честолюбив; и вот увидите—захватит в свои руки все дела. Ребенок вырастет в мужчину быстрее, чем мы предполагаем... А сейчас он на ребячестве своем играет.

ВЯЗЕМСКИЙ. Я не могу простить царице безумных трат! Она велела положить прекрасному Нарцису под подушку десять тысяч, да перстень бриллиантовый... и это в первую же ночь! Что будет дальше, я не знаю! Чтоб тратить столько на мальчишку! Нет, я заведывать казною откажусь.

БЕЗБОРОДКО. Вы обратите-ка вниманье, как он сегодня разрядился.

ВЯЗЕМСКИЙ. Ах, не терзайте мою душу! И так мне ненавистен сей петух!

ВОРОНЦОВ (*оглядываясь по сторонам*). Однако же потише, князь! Вы можете себе „здоровье“ повредить.

ВЯЗЕМСКИЙ. Я не боюсь! Я откровенный человек...
Я государыне на вид поставлю, что к
ужину нельзя зимою ананасы подавать!

(Ворча уходит, Безбородко и Воронцов
хохочут).

БЕЗБОРОДКО. Ананасы! Ананасы!

ВОРОНЦОВ. Чудак старик... но по душе он добрый.
Брюзжать лишь—скверная привычка.

БЕЗБОРОДКО (*продолжая хохотать*). Ананасы! Ведь
это на Платошку намекает.

ВОРОНЦОВ. Мы вот шутим... а скоро все в немилость попадем. Платон не любит нас и косится на нас весьма сердито.

(Проходит кн. Дашкова, слыша последние
слова брата, задержалась).

ДАШКОВА. А ты не порть с ним отношений, вообще поосторожней будь. (*К Безбородко.*)
Граф, вам советую я тоже.

БЕЗБОРОДКО (*целуя руку*). Люблю от умных женщин получать советы. Впредь буду мальчик-пай.

ДАШКОВА. Сегодня государыня в прекрасном настроеньи.

БЕЗБОРОДКО. Еще бы—ведь Очаков взят!

ВОРОНЦОВ. И новый фаворит. И государыня, как „птичка“, весела!

ДАШКОВА. Alexandre! Ты без иронии не можешь?

ВОРОНЦОВ. Могу... И замолчал... (*Закрыв рот рукою*).

ДАШКОВА. Остричь ты можешь дома, но не во дворце. Какой ты неразумный. (*Прошла*).

БЕЗБОРОДКО (*с улыбкой*). А строго вас сестрица держит.

ВОРОНЦОВ. Она права, ведь сплетен здесь не оберешься.

БЕЗБОРОДКО. Да, да, все это так... и надо осторожней быть. (*После паузы.*) Да, Александр Романович, я хотел просить вас продать одну из ваших девок... дочку кузнеца, Васёну.

- ВОРОНЦОВ. Но, Александр Андреевич, вы же отлично знаете, что людьми я не торгую.
- БЕЗБОРОДКО. Знаю, знаю и уважаю вас за это. Но знаете... покаюсь... влюблен, влюблен... в мужичку, а влюблен... Как не смешно, но я покой свой потерял... все время думаю о ней. Все мои девки надоели, видеть не могу их с тех пор, как к вашей Вассе страсть зародилась. Продайте мне ее, прошу.
- ВОРОНЦОВ. Александр Андреевич, вы удивляете меня—не все ли вам равно Васёна иль Алёна?
- БЕЗБОРОДКО. Нет, нет, не все равно—влюбился. Хотя я не юноша, а признаюсь — влюбился. Васёнка ваша так поет!.. А я всегда талантом увлекаюсь.
- ВОРОНЦОВ. Граф, в этом есть у вас соперник: принц Де-Линь восторженно хвалил Васёнин голос.
- БЕЗБОРОДКО (*беспокойно*). Ну, нет. Де-Линю я не уступлю. Я десять тысяч дам. Александр Романович, соглашайтесь. Ведь, никогда никто так дорого за девку не платил.
- ВОРОНЦОВ. Ну, хорошо! Об этом после потолкуем: государыня сюда идет. (*Оба почтительно встают. Входит Екатерина II. Дашкова входит с ней.*)
- ЕКАТЕРИНА. Ну, здравствуйте, друзья мои.. Все собрались? Нет, я „шпыня“ не вижу.
- ДАШКОВА. Наш Нарышкин, по обыкновению, чем-то удивить нас хочет: ушел в буфетную и сам крюшон готовит, по особому рецепту.
- ЕКАТЕРИНА. А принц Де-Линь?
- ВОРОНЦОВ. Ваше величество, вон он, посмотрите. (*Указывает в смежную комнату.*) Уединился и в свой карнэ записывает что-то..
- ЕКАТЕРИНА. И нашего юнца не вижу... Платона Зубова, где он?
- ДАШКОВА. Вероятно, он сейчас придет.

ЕКАТЕРИНА. Принц!... Принц!... (*Де-Линь входит.*)

ДЕ-ЛИНЬ (*целуя протянутую руку*). Merci, très bien! Прекрасно! Et после взятия Очакова — великолепно! Великие дела великих полководцев меня в экстаз приводят! И руки тянутся к перу, чтоб все картинно описать!

ЕКАТЕРИНА (*шутя*). Смотрите, принц, не напишите обо мне плохого! Ведь, за границу будете свое писанье отправлять.

ДЕ-ЛИНЬ. Oh! Votre majesté! Как вы могли подумать?! Ну, разве может смертный о богине плохо написать? Seulement восторг и преклоненье мой ум и сердце на бумагу изольют!

ЕКАТЕРИНА (*беря его под руку*). Ну принц, голубчик, пойдемте и сыграем в L'ombre a deux. (*Уходят*).

ВОРОНЦОВ. Секретничать ушли.

БЕЗБОРОДКО. Продиктовать для заграницы кое-что ее величеству угодно.

(Входит Державин, на ходу здоровается с Воронцовым и Безбородко, хочет направиться к Дашковой).

ВОРОНЦОВ. А!!! Наш прославленный пиит и губернатор!

БЕЗБОРОДКО. Великий наш Державин!

ДЕРЖАВИН. Здравствуйте, граф Александр Романович! Здравствуйте, граф Александр Андреевич! Губернатором быть больше не хочу. В секретари опять к царице-матушке проситься буду.

ВОРОНЦОВ. Что так?

ДЕРЖАВИН. Сейчас все расскажу, лишь поздороваюсь с моей „Пленирой“. (*Протягивает обе руки княгине Дашковой.*) Роднушечка моя, княгиня, „покровительница муз“, как долго вас я не видал, соскучился, ну, право слово!

- ДАШКОВА. Здравствуйте, Гавриил Романович, я с вами рада встретиться опять.
- ДЕРЖАВИН. Наконец-то в Петербург опять попал из этого проклятого Тамбова. Наместник там меня совсем заел: за превышение власти, за дерзости... меня под суд он отдал!
- ДАШКОВА. Да, да, я слышала; нельзя же быть таким горячим. (*Грозит ему веером*).
- ДЕРЖАВИН. Да, я „горяч и к правде чорт“. (*Целует ее руку*.) Спасибо дорогим друзьям и матушке-царице, я был оправдан и на радостях три оды написал! С светлейшим встретился у Бологого, в свою кибитку посадил меня, доехали до Петербурга вместе. Рассказывал — как взял Очаков... И я дорогой вдохновился и оду „Победителю“ сложил. Вчера закончил, вышло, кажется, удачно и, если государыня одобрит, на торжествах прочту. А для ея Величества я сочинил две оды. Первая — „На счастье“, а вторая — „Изображение Фелицы“, и после ужина одну из них прочту.
- ДАШКОВА. Ну, вот прекрасно... Вы будете опять в фаворе.
- ДЕРЖАВИН. Дайте вашу ручку, моя предстательница пред царицей... поцелую. Я ваш слуга до гробовой доски... Я никогда того дня не забуду, как оповестили вы меня, чтоб я приехал во дворец... что государыня в восторге от „Фелицы“ и хочет видеть автора... и лично наградить. Но что-то вы, моя голубушка, как будто бы, задумчивы и грустны?
- ДАШКОВА. Я!?... Да... О сыне беспокоюсь... ведь, всетаки он на войне... и я соскучилась о нем. Я думала, что князь Потемкин с собой его сюда возьмет, да вот ошиблась.

ДЕРЖАВИН (*декламируя*). „Пожди, и — сын твой с
страшна бою
Иль на щите иль со щитом,
С победой, с славою, с женою,
С трофеями приедет в дом!

ДАШКОВА. Чтоб с славой возвратился—я не против,
но чтоб жену привез—я не хочу. Он
молод слишком, и я еще не так стара
и обратиться в grand papa, я думаю,
мне рановато.

ДЕРЖАВИН. Княгинюшка, вы розан свежий, персик,
апельсин!. (*С каждым словом целует ей
руку*).

ДАШКОВА (*смеется*). Мерси... Вы знаете, Гавриил
Романыч, а ведь в честь Зубова необ-
ходимо тоже оду написать.

ДЕРЖАВИН (*махнул рукой*). Ах! Он сам меня просил
уже об этом.

ДАШКОВА. Чтоб государыня была довольна — это
надо сделать. Меж нами говоря, маль-
чишка этот мне весьма противен.

(Входит Екатерина с Де-Линь. Дашко-
ва отходит в сторону с принцем Де-Линь).

ЕКАТЕРИНА (*Державину*). А! Наш любимый сочи-
тель! Ну, здравствуй, дорогой!

ДЕРЖАВИН. Я счастлив ручку лобызать царице. И
слезы удержать я не могу... от радости,
что Солнышко увидел наше!

ЕКАТЕРИНА. Спасибо за любовь!

ДЕРЖАВИН. Я, матушка, стишки тебе привез... не
осуди, коль плохи.

ЕКАТЕРИНА. Державин плохо написать не может!

ДЕРЖАВИН. О, господи! За что такое счастье мне?
(*Со слезами*) Дай рученьку еще облобы-
заю. (*Низко склонившись, целует ей
руку*).

ВЯЗЕМСКИЙ (*с ненавистью, тихо*). А посмотрите,
сам проповедывал: „змеей пред троном
не сгибаться, стоять и правду говорить.
А сам, как „уж“ перед царицей вьется!

ВОРОНЦОВ. Да будет, князь, вам—не брюзжите.
ВЯЗЕМСКИЙ. Противно, тьфу, противно!
ДЕРЖАВИН (*доставая из бокового кармана книгу*). Ваше величество, я вам принес прочесть то, что мне на днях прислали. Я очень удивлен—как все это цензура пропустила. Фамильи автора на книге нет... возможно, что „писака новый“ объявился. Стихи его... в конце тут ода „Вольность“... меня не привели в восторг. По-моему, он не поит, а просто—стихотворец... Но, государыня, любопытствуй и книгу прочитай, развязность автора—преступна.

ЕКАТЕРИНА. Хорошо, снеси, пожалуйста, в мой кабинет и положи на стол. Я книгу эту просмотрю, но только не теперь. Сейчас я очень занята, дела со Швецией меня немного беспокоят, да и отпраздновать победы наши над Портою необходимо. Турки, наконец, перед Россией склонились! А когда уедет князь Потемкин, я буду посвободней...

ДЕРЖАВИН. Снесу, царицушка, снесу. (*Ушел*).
ДАШКОВА (*заметив идущего князя Потемкина, подходит к Екатерине*). Ваше величество, приехал князь Потемкин, вот он сюда идет.

ЕКАТЕРИНА (*Де-Линь*). Принц! Вы не находите ль, что человека... победы и успехи делают красивей? Смотрите—князь Потемкин как похорошел!

ДЕ-ЛИНЬ. О! я всегда боготворил завоевателя Тавриды—это гений! Гений! и герой! Et soyez moi, он получает вдохновение свое от теплых и живительных лучей прекрасного и ослепительного „северного“ Солнца!

ЕКАТЕРИНА (*протягивает ему руку, которую тот целует*). Ты энтузиаст и комплиментщик! Вот за что Потемкин любит вас.

- ПОТЕМКИН *(шумно входит)*. Государыня моя! Царица! Опять я вижу лучезарное лицо твое! *(Целует руку)*.
- ЕКАТЕРИНА. Ну, здравствуй, мой герой! Чем наградить тебя—не знаю—за Очаков? Ты так провел успешно штурм! И людей совсем немного потерял.
- ВОРОНЦОВ *(тихо)*. Немного! Двадцать с лишком тысяч уложил!
- ПОТЕМКИН. Награждать меня ничем не надо, нет ничего, что мне б недоставало! Я имею все! Пожалуй, вот людишек на моих заводах нехватает... рабочей силы тыщеники полторы не лишнее бы было.
- ЕКАТЕРИНА. Дарю тебе две тыщи... Возьмешь и перегонишь мужиков из западных поместий. Еще бы что хотел?
- ПОТЕМКИН. Государыня моя, мне ничего не надо. Лишь милость и любовь свою ко мне не потеряй, царица!
- ЕКАТЕРИНА. К тебе любовь не потеряю никогда! Я приказала изготовить ювелиру веночек лавровый из крупных изумрудов—надему на тебя. К фамилии своей прибавь еще: Таврический... Светлейший князь Таврический—Потемкин... Недурно будет?
- ПОТЕМКИН. Всемиловитейшая! Матушка! Императрица! Щедроты все вы на меня излили... и я еще все жив! Но эту жизнь, поверьте мне, я посвящаю, августейшая царица, на службу вам и на защиту от врагов!
- ЕКАТЕРИНА. Благодарю, мой верный рыцарь!
- ПОТЕМКИН *(вдруг тихо и ворчливо)*. Но, матушка моя, зачем приблизила к себе мальчишку—Платошку Зубова? Не поносу ему табак! Да и паршивец он, я знаю!
- ЕКАТЕРИНА. Когда с Орловым ты ругался так, что оконницы тряслись, то было мне понятно, а теперь пора угомониться и

ревности не проявлять! Ко мне вернулась бессмертная весна. Я весела, довольна, энергична! Мой дорогой, не надо мне мешать... И ревность моего „медведя“ попрошу в сторонку отложить. Ведь я тебе, мое сокровище, ни разу не мешала в твоих бесчисленных и сумасшедших увлечениях. А сейчас... не осуждай меня... быть может, я проснулась к жизни—в последний раз! (*Кладет ему руку на плечо*). Ведь, ты—мой лучший друг... и им останешься всегда, а это—увлечение! Он так прекрасен, этот смуглый мальчик... капризничает, как дитя, и это мне утеху доставляет... Государством управлять не будет он, ему не по-плечу... Ведь у меня есть верный, мудрый друг, который это делает прекрасно. Потемкин—это ты!!!

ПОТЕМКИН. Ну, хорошо, бесценная моя, оставь его... да только не надолго... другого я лучше отыщу.

ЕКАТЕРИНА (*сияющая*). А ты, мой друг, неисправим и тонкости в тебе не видно: так прямо „брякаешь“ в глаза, что в голову тебе придет.

ПОТЕМКИН. Вот этим я тебе и ценен! Так значит по рукам? Не надолго молокососа при себе оставишь?

ЕКАТЕРИНА. Довольно... замолчи... седой уже, а все ревнуешь.

ПОТЕМКИН. Да, я в шестнадцать дней примчался из Тавриды... три ночи только спал... Спешил к тебе... когда узнал, что ты свое внимание обратила на Платона, на этого пролазу, хитреца!

ЕКАТЕРИНА. (*сухо*). Ну, князь, окончим этот разговор, коль ты меня расстраивать не хочешь. И с Зубовым, прошу, поласковее будь!

ПОТЕМКИН. Ну, ладно уж... А укрощать умеешь ты, царица!

ЕКАТЕРИНА. Тебя я укрощаю — из любви к тебе...

ПОТЕМКИН. Дозволь мне, матушка, домой уйти... на ужин не останусь: боюсь, что в Зубова (*злобно орет*) тарелкой запушу!

ЕКАТЕРИНА (*опять добродушно*). Ах, ты медведь свирепый! Не выспался, так и не в духе! Ступай проспись... сердиться я не буду. Завтра будет торжество (*грозит ему пальцем*), чтоб ты веселый был! (*Смеется.*) Нельзя на рожу кислую венчик лавровый надевать.

(Потемкин пошел. Екатерина говорит ему громко вслед так, чтобы слышал Де-Линь).

ЕКАТЕРИНА. Григорий Александрович! Минутку подожди. Ты утром, завтра, приходи ко мне пораньше, о Швеции мы будем толковать! Ведь, надо что-нибудь решить... Густав поклялся за унижение прадеда Петром Великим мне отомстить и, слышал, где? В императорских чертогах Петербурга! Посмотрим, как войдет он к нам в столицу!

ПОТЕМКИН. Ишь ты — храбрый! Хоть локоть близко — да не укусит! Я покажу ему! Не получил бы он того, чем угостили... его прадедушку в Полтаве!

ЕКАТЕРИНА. Я, как кремнистая скала, не дрогну пред напором, и волны шведские о берег русский разобьются! Спасибо — люди у меня лихие! Ну, мой герой, иди и отдохни с дороги.

(Потемкин быстро пошел; на пути его остановил Де-Линь).

ДЕ-ЛИНЬ. Mon prince! Я должен с вами поделиться... я... я в восторге! Чем больше узнаю ее величество императрицу, тем больше прихожу в экстаз! C'est une déesse.

Богиня Афродита иль Минерва с умом
Зевеса! Нет, надо быть всегда поближе,
чтобы почувствовать ее особенное, ни-
чем невыразимое очарованье!

ПОТЕМКИН. Поближе? Нет, батенька мой, опоз-
дал — там место занято. Да и годов те-
бе немало, ведь ты ровесник мне!

ДЕ-ЛИНЬ. Светлейший, я не в этом смысле! Я
преклоняюсь пред умом! И государыня,
конечно, гений, гений, гений!

ПОТЕМКИН. А ну, вас, принц, вы, как кликуша, вы-
ражаете свои восторги.

ДЕ-ЛИНЬ. Кликуша? Qu'est ce que са? Я с этим
словом не знаком.

ПОТЕМКИН (*кивнул в сторону Воронцова и Безбор-
родко*). Они вот объяснят тебе. Я спать
пошел. (*Уходит*).

ДЕ-ЛИНЬ (*подходит к Воронцову*). Cher comte! Князь
Потемкин назвал меня кликуша. Объ-
ясните, s'il vous plait, что значит это
слово?

ВОРОНЦОВ. Это?.. это... это вроде соловья!

(Безбородко залился смехом).

ДЕ-ЛИНЬ. Соловья? Un rossignol? Tres poétique
n'est ce pas? Я запишу... Мерси...

ЕКАТЕРИНА (*подзывает к себе Вяземского*). Князь Вя-
земский, отпусти побольше на завтраш-
нее торжество в честь нашего героя.
Ты видел ли уже венок? Ну, как, кра-
сивый вышел?

ВЯЗЕМСКИЙ. Красивый-то, красивый! Но, матушка ца-
рица, нельзя так деньги по-ветру пу-
скать. Все торжества, да торжества...

ЕКАТЕРИНА. Ну, ну брюзга, (*ласково ударяет его
веером*) молчи... Уж больно жадный ты —
все экономью хочешь соблюсти там,
где не нужно. А я-то для тебя „сюрп-
риз“ хотела сделать, да вижу, ты не
стоишь.

ВОРОНЦОВ (*тихо Дашковой*). У нас в России без

подарков невозможно, задабривать приходится людей, щедротами друзей приобретать.

ДАШКОВА. Alexandre tu est fou! Когда-нибудь нарвешься. Замолчи.

ВЯЗЕМСКИЙ (*Екатерине*). Я не стою? Всю жизнь к стопам твоим кладу!

ЕКАТЕРИНА. Я пошутила... мой ворчун премилый, иди и хлопочи.

(Вяземский уходит. Екатерина шествует дальше; на пути попадается Воронцов).

ЕКАТЕРИНА. Да... Воронцов, намыль Радишеву головку, да покрепче. Он не знает не только правил этикета, но груб и неучтив: не захотел склонить колена, когда ему я орден даровала! Он позабыл, что перед ним не только государыня, но также — женщина! Скажи ему, что я видала у ног своих и не таких мужчин, как он — получше!

ВОРОНЦОВ (*почтительно кланяясь*). Ваше величество, исполню. (*Когда Екатерина прошла*.) Вот старая квашня. В эротике своей ума лишилась.

ЕКАТЕРИНА (*Дашковой*). Княгиня, пошлите к Зубову, чтоб поскорее шел; что он так долго задержался? Мне кушать хочется... (*Увидя входящего Зубова*). Наконец-то! Ужин пусть дают.

ЗУБОВ. Ваше величество, простите! Я книжкой зачитался, которую вы мне для изучения дали... и не заметил, что уже девятый час.

ВЯЗЕМСКИЙ (*тихо Безбородко*). Врет! Перед зеркалом вертелся...

ЕКАТЕРИНА (*Зубову*). Полковник! Сегодня вы меня к столу ведете.

ВОРОНЦОВ. Ого! (*К Безбородко*). Вы слышите? — В полковники произвела.

ЗУБОВ. О, как я счастлив, государыня, сегодня!

Я счастлив и вдвойне.
(*Целует руку, встав на колени*).

ЕКАТЕРИНА. Вдвойне?

ЗУБОВ. Во-первых, я полковник!

ЕКАТЕРИНА. А во-вторых?

ЗУБОВ. А во-вторых, я — дядя!

ЕКАТЕРИНА. Дядя???

ЗУБОВ. Да. Сестра моя сегодня родила.

(*Е к а т е р и н а и все рассмеялись*).

ЕКАТЕРИНА. Поздравляю! Так, значит, на зубок по-слать придется?

ЗУБОВ. О, нет! Прошу вас, государыня, не надо! Я только радостью своею поделиться захотел! Ваше величество, не надо!

ЕКАТЕРИНА (*улыбнулась*). Ребенок! Право же ребенок!

ВОРОНЦОВ. Ее величество права.

БЕЗБОРОДКО (*затрясся от сдерживаемого смеха*).

ДАШКОВА (*сверкнула на брата глазами*). Александр!

БЕЗБОРОДКО. Жеребенок! Целый жеребец!

ДАШКОВА (*с испугом*). Безбородко, замолчите!

ЕКАТЕРИНА. Князь Вяземский! Распорядитесь по-слать младенчику пеленок и золотом три тыщи, на зубок!

ВЯЗЕМСКИЙ. Ваше величество! Молю вас, пощадите хоть на несколько часов казну! Мы этак разоримся!

ЕКАТЕРИНА. Князь! Когда ты перестанешь жадиною быть? Страна у нас большая, хватит! Подумаешь — три тыщи, разве это много?

ВЯЗЕМСКИЙ. Эх! Воля ваша, матушка, перечить я не смею. (*Махнул рукой и мрачно отошел*).

ЕКАТЕРИНА. Идемте же к столу. (*Берет под руку Зубова, за ней Дашкова с принцем Делинь, дальше остальные. Все уходят. Вяземский вынул табакерку, взял щепотку табаку, понюхал. Входит Державин, видит, что никого нет, кроме князя Вяземского*).

ДЕРЖАВИН. Все ужинать уже ушли?

ВЯЗЕМСКИЙ (*кивнув утвердительно головой*).
А-а-пчхи!!!

ДЕРЖАВИН. Идемте же скорее, князь, а то без нас приступят! (*Торопливо пошел; на ходу*.) Там Лев Нарышкин крушон отменный приготовил. Я уже попробовал его!

ВЯЗЕМСКИЙ. Гаврил Романыч, подождите. Подумайте: три тыщи золотых червонцев на зубок. Ужасно! (*Сердито захлопнул табакерку*.) Молодым мальчишкам с херувимской рожей готова день и ночь дарить. Ну, чтобы мне пожаловать хоть несколько тыщенок за то, что я ей берегу казну.

ДЕРЖАВИН (*хитро*). Вольно же вам не думать о себе... Своя рука — владыка.

ВЯЗЕМСКИЙ. Я — честный человек: без спроса не беру.

ДЕРЖАВИН. Да и не надо вам, у вас и так деньжищ не мало. Лежат под спудом без движенья...

ВЯЗЕМСКИЙ. А разве лучше по-ветру пускать? Транжирить, как другие? Деньги надобно беречь.

ДЕРЖАВИН. Однако же, пойдете, князь, нас ждать не будут и ужинать без нас начнут.

ВЯЗЕМСКИЙ (*кисло*). Какой там ужин! От огорченья печень разболелась.

ДЕРЖАВИН (*беря его под руку и уводя*). Ну, ничего, пройдет... Пройдет! Жирного не надо кушать!..

К а р т и н а п я т а я
ВО ДВОРЦЕ

Спальня Екатерины II. Роскошная кровать. С одной стороны — около кровати, небольшой столик, с другой — пуфик. В стороне — письменный столик в форме боба, удобное кресло. (Лежит в кровати. Во сне она стонет... проснулась).

ЕКАТЕРИНА. Какие сны кошмарные нагнала на меня Радищева книжонка. Я думала, что, наконец, настал покой, когда Емельку Пугачева усмирили, а тут вдруг... сочинитель! Дворянин! Имеет целью революцию в России учинить! И я ж его юриспруденции учиться посылала за границу с другими благородными способными людьми, желая обрести себе помощников по управленью государством. Княгиня Дашкова! Подите-ка сюда. (*Входит Дашкова.*) Что братец ваш сейчас в приемной или нет?

ДАШКОВА. Да, ваше величество, он там. Все ждут, когда вы пробудитесь.

ЕКАТЕРИНА. Я сегодня дольше не встаю... всю ночь читала, под утро лишь заснула. Прикажете-ка позвать его ко мне.

ДАШКОВА (*говорит у двери*). Графа Воронцова пригласите.

ЕКАТЕРИНА. Ну, матушка моя, княгиня! Хорош же братец твой — все восхвалял Радищева: и честен-то, и деловит, и неподкупен, и правду не боится говорить! Вот правда... Получай! (*Трясет книгой.*) Читала эту мерзость?

ДАШКОВА. Нет, государыня, я не читала. Что это такое?

ЕКАТЕРИНА. „Путешествие в Москву из Петербурга“ — и ода — „Вольность“. Прочтешь потом и мнение свое мне скажешь... Мы учиним над ним комиссию, чтобы

удостовериться, действительно его ли сие крамольное писанье. Державин прав, что написал здесь. (*Читает*).

„Езда твоя в Москву со истиною сходна;

Не кстати лишь смела, дерзка и сумасбродна,

Я слышу—на коней ямщик кричит вирь, вирь...

Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь“.

И этот прощальга бывал в салоне как у тебя, так и у брата твоего?

ДАШКОВА.

Но, государыня, я приказала уже давно не принимать его. Я брату предрекала, что Александр Радищев добром не кончит... что слишком вольнодумен.

ЕКАТЕРИНА.

Как гром в погоду ясную ударил... Так было все спокойно... и вдруг... такая гадость. Какое впечатление произведет на всех его писанье? Ему не нравится, вишь, тишина, покой. Он клонит к возмущенью крестьян против помещиков... солдат—против начальства. Он — враль! Он — злостный враль! Судьбы крестьянской лучше нет во всей вселенной, чем у нас в России, конечно, коли они у доброго помещика... Бывают злые, неоспоримо, но ведь редко! (*Перелистывает несколько страниц.*) Я знаю, здесь много правды есть... но дворянину надо бы об этом помолчать (*Еще перелистала*). Вот здесь рассказывает сказки о зверском обхождении помещиков с крестьянами, что следствием сего было убийство барина с тремя сынами... что заслужили-де они. Коль правда бы была, то мне сие известно б было, а я, пока что, не слыхала. Видно, утрашить дворянство он желает. Советует ввести законы, от которых вся Франция

вверх дном перевернулась! Советует освободить крестьян!

ДАШКОВА. Освободить крестьян? Да это невозможно.

ЕКАТЕРИНА. А далее, так он совсем с ума сошел. *(Говорит с большим жаром.)* Противу двора и приближенных к трону он злобу изливает. Он хочет показать пороки... преступленья теперешнего образа правленья. Он — бунтовщик. Он — хуже Пугачева! Самодержавье в корень подрывает. Нет ты послушай, Катрин Романна, что он пишет. *(Читает).* „Но нет и до окончанья мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил... добровольно что-либо из своей власти, сидя на престоле“... и вывод вот какой... *(Перелистала книгу.)* Нет, от волненья сердце разорвется! *(Приложила руку к сердцу).* Ох, как стучит! Княгиня, ты прочти... я не могу... в глазах рябит...

ДАШКОВА *(берет книгу, читает).*

„Чело надменное вознесши,
Схватил железный скипетр царь,
На срамном троне властно севши,
В народе зрит лишь полутварь.
Возникнет рать повсюду бранна.
Надежда всех вооружит:
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главой паря!
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя!“
Боже, что за ужас?!

ЕКАТЕРИНА. Нет, дальше, дальше ты прочти... тот абзац, где начинается: „злодей, злодеев всех лютейший...“

ДАШКОВА *(перелистала)*. Вот... я нашла...
„Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник изо всех первейший!
Предстань на суд, тебя зову!“

ЕКАТЕРИНА. Как обнаглел! Какая дерзость!
ДАШКОВА *(продолжает читать)*.

„Злодейства все скопил в едино.
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат!
В меня дерзнул острить ты жало,
Единой смерти за то мало—
Умри, умри же ты стократ!
Народ вещал...“

ЕКАТЕРИНА. Ой, замолчи!.. Я больше не могу ко-
щунства слушать. Дай мне флакон...
натру виски... я чувствую, что я могу
сойти с ума!

ДАШКОВА *(подаёт со столика флакон, опустилась
на колени около кровати)*. О, государы-
ня моя! Не надо волноваться! Вы мо-
жете здоровье ваше подорвать. *(Целует
ей руки.)* Ну, успокойтесь, я молю!

ЕКАТЕРИНА. Ты добрая, Катюша!.. Вот я уже приш-
ла в себя... Дай мне воды немного...
(Дашкова подаёт.) Ну, что же Ворон-
цов нейдет?

(Входит Воронцов.)

ВОРОНЦОВ. Ваше величество, вы приказали мне
явиться!

ЕКАТЕРИНА *(очень сухо)*. Воронцов, ты протезиру-
ешь людей весьма зловредных госу-
дарству. Ты почитай, что пишет твой
любимчик, твой Радищев. Он в корень
государство расшатает. Так нагло кри-
тикует все: дворян, чиновников, воен-
ных, двор... Законы плохи, судопроиз-
водство... Он требует права для мужи-
ков, отмену крепостного права. Он тре-
бует цензуру уничтожить. Царями не-

доволен! И, надо полагать, и... мной! Немедля сочинительство его изъять из обращения! Граф Безбородко здесь?

ВОРОНЦОВ. Здесь, государыня.

ЕКАТЕРИНА. Пришлешь его ко мне. Радищева и тех торговцев, которые осмелились крамольное писанье продавать — арестовать! И учинить сейчас же судопроизводство. Дознаться, кто печатал эту мерзость. В зародыше пресечь французскую заразу надо!

ВОРОНЦОВ (*мяжко*). Ваше величество, осмелюсь вам сказать—вы правы, но не во всем.

ЕКАТЕРИНА. Как не во всем? Вот новости!

ВОРОНЦОВ. Эту книгу надо уничтожить, изъять из обращения в народе, но вам... царице... всечасно при себе иметь. Там есть полнейших суждений много и советов, которым следовать правительнице должно. Ваш светлый ум, который ни кем еще не превзойден, сумеет отобрать из книги то, что нужно.

ЕКАТЕРИНА. Но в ней поносятся цари! Ведь, трон мой рухнуть может. Я там отметила все мерзкие места.

ВОРОНЦОВ. Все мерзкие места заклеить можно, замарать. А Радищева не стоит трогать... Я сумею поговорить с ним и он раскается... ручаюсь. (*Откровенно льстит.*) Пусть не померкнет ореол монаршей доброты и мудрости вокруг вашего чела, который лучезарным блеском не только здесь, у нас в стране, сияет, но и во всей Европе!

ЕКАТЕРИНА (*растаяла, и сантиментальная немка говорит, как капризный ребенок*). Да, я добра... я знаю. И все вы пользуетесь добротой моей. Ну, я подумаю... когда немного успокоюсь. Граф Воронцов, я

- с вами говорила, как с покровителем Радищева, и это ставлю вам в упрек.
- ВОРОНЦОВ. Ваше величество! (*Разводя руками*). Кто ж думать мог?..
- ЕКАТЕРИНА. А также, граф, я знаю, что вы и Безбородко не очень, то стесняетесь с казной. Вы оба любите пожить широко, а средств своих вам, видно, мало. Советую умерить аппетиты. До сей поры сквозь пальцы я смотрела... особенно на поведенье Безбородко, а теперь прошу поаккуратней быть.
- ВОРОНЦОВ. Ваше величество, меня не обижайте. Перед государственной казной я чист.
- ЕКАТЕРИНА. Перед казной ты чист, я это знаю... но от иностранцев ты любишь принимать подарки.
- ВОРОНЦОВ. Но, государыня, кто в этом не погрешен? У нас уж век таков—друг другу все дарят.
- ЕКАТЕРИНА. Но ты, ведь, президент коммерц-коллегии... тень на себя бросаешь!
- ВОРОНЦОВ. Ваше величество! Ведь, за подарки я поблажек иностранцам не даю. Все это знают и упрекнуть меня во взят...
- ЕКАТЕРИНА (*перебивая*). Ну, ладно, ладно. Меня не прсведешь. Упрекать тебя не стану, сам должен понимать, как надобно вести себя... чтоб дружба наша неизменною осталась.
- ВОРОНЦОВ. Ваше величество...
- ЕКАТЕРИНА. Довольно, об этом кончим. О Радищеве продолжим разговор... Насколько можно, дело вы поправьте. Чтоб в показаниях своих Радищев поосторожней был и... не хулил меня. Вы на него подействуйте, граф Воронцов!
- ВОРОНЦОВ. Да, государыня, я окажу свое влиянье.
- ЕКАТЕРИНА. Вы можете итти. Пришлите Безбородко мне.

(Воронцов поклонился и вышел).

ЕКАТЕРИНА. Пока они там соберутся, хоть это дело и не ваше — вы сядьте-ка, княгиня, и пишите, что я вам буду говорить.

ДАШКОВА *(быстро садится за письменный столик)*. Охотно, государыня.

ЕКАТЕРИНА. Пишите мой приказ. *(Встает в ночном своем одеянии, засучивает рукава, начинает ходить по комнате из угла в угол)* Радищева арестовать! Шешковскому я поручаю сначала допросить келейно. Ведь, может статься, что преступник начнет меня позорить... поносить! Так пусть дознается сначала тайно—Шешковский это делать мастер! Потом пусть дело в уголовную палату отдадут... потом на утверждение в сенат. Руководством пусть возьмут в своих вопросах *(тычет пальцем в книге)* мои пометки на полях. Я слишком милосердна... Сенат потверже будет! Миндальничать не станет, коль явится необходимость *(очень зло)*—Радищева казнить! Дай подпишу, княгиня. *(Дашкова уступает место у письменного стола. Екатерина, прочитав, подписывает)* Я так расстроилась, что позабыла выпить рюмку маляги с перцем—от подагры. Налей-ка мне, княгиня...

К а р т и н а ш е с т а я

У РАДИЩЕВА

Кабинет Радищева. Письменный стол. Шкафы с книгами. Диван, около—круглый столик, Радищев сидит за письменным столом и пишет. Входит Елизавета Васильевна с крепостной девушкой, которая несет поднос с кофе и завтраком.

ЛИЗА. Александр Николаевич, ты сейчас в коммерц-коллегию поедешь?

РАДИЩЕВ *(не переставая писать)*. Да...

ЛИЗА. Так вот—позавтракай и выпей кофе.

(Помогает расставлять все на маленьком столике.) Дуняша, ты сейчас иди с детьми гулять. Мы завтракать позднее будем (Вслед ей.) Павлика одень теплее, на горло шарфик повяжи, он кашляет немного. (Радищеву) Ну, Саша, брось писать... иди... Я кофе налила.

РАДИЩЕВ. Кофе?... кофе... это хорошо—в голове немного прояснится, а то устал... С шести утра сегодня занимаюсь. Дел накопилось—страсть!

ЛИЗА. Дела твои не убегут, а о здоровьи думать надо. Вот, погоди, тебя я приберу к рукам: как с Павликом и с Катей, с тобою обращаться буду!...

РАДИЩЕВ. Ой, не пугай... Иду... иду... (Сел за стол, завтракает).

ЛИЗА. Вчера для Васи с Колей учителя по математике и географии я пригласила; ты поговори с ним... Васю надо подготовить, через месяц ему экзамены держать.

РАДИЩЕВ (целует ей руку). Ты—ангел мой хранитель. Ну, что б я делал без тебя? Покойная Анюточка недаром говорила, что ты ее заменишь детям и будешь их любить, как мать.

ЛИЗА. (передает ему кофе). Вот пей...

РАДИЩЕВ. Фаиночка, моя сестренка меньшая, мне как-то рассказала, как крестьяне их прятали от Пугачева. Я это вспоминаю всегда, как кофе пью. Нянюшка моя Прасковья большая до него охотница была, раза по три в день пивала... Вот как-то раз она сидела благодушно в Саратове, в имении отца, и пятаю уж чашку допивала... Вдруг в горницу вбежали мужики и велели поскорей в лесу всему семейству схорониться... что Пугачев совсем уж близко—в десяти вер-

стах. Тут наша нянюшка как вскрикнет... кофеем вся облилась... сестру с братишкою схватила и на деревню понеслась... Большие к лесу побежали... На деревне бабы детей во что похуже нарядили и вымазали лица сажей, чтоб на барчат не походили... посадили их на печку, в лес пожалели прятать— боялись, что простынут.

ЛИЗА. Небось... вот страху-то все натерпелись...

РАДИЩЕВ. Папеньку любили мужики и Пугачеву заявили: „Ты „нашего“ не трогай, барин добрый, николи не мучил нас... оброком не душил... и не жил, как другие, в свою утробу на чужом труде“. Вот и сласти его со всем семейством. *(Встает.)* Ну, надобно итти.

ЛИЗА. Александр Николаевич, дай что-нибудь из книг поинтересней... Я Коле с Васей вслух по вечерам читаю.

РАДИЩЕВ *(достает с полки книгу)*. Вот Рейналя „Историю двух Индий“ почитайте, они уже большие... можно.

(Поспешно входит граф Воронцов.)

ВОРОНЦОВ. Александр Николаевич, я к тебе... Елизавета Васильевна, мое почтение... Я только что был во дворце... Ну, дорогой мой, приготовься: тебя сейчас должны арестовать!

ЛИЗА. Ах, боже мой!

РАДИЩЕВ. Меня арестовать?

ВОРОНЦОВ. Да, да. Царицей только что о том приказ подписан... Сестра мне показала. Кроме „Путешествия“ и „Вольности“ ты что-нибудь писал? Так мне давай скорее...

РАДИЩЕВ. Нет, не писал... *(Подходит к письменному столу, вынимает листы исписанной бумаги.)* Так, кой-какие черновые мысли...

ВОРОНЦОВ. Давай сюда... (*Прячет в карман.*) Где все экземпляры книг?

РАДИЩЕВ. Сложены в чулане... а часть у Мейснера... в таможене.

ВОРОНЦОВ. Сейчас же надо сжечь, немедленно ни минуты...

РАДИЩЕВ. Лизанька, пошли скорей Ивана к Мейснеру, с моей запиской. (*Поспешно пишет.*) Сама вели Петру и Грише жечь книги... в двух печах... на кухне и в буфетной...

(Лиза торопливо уходит).

ВОРОНЦОВ. Шешковскому поручено дознание вести.
РАДИЩЕВ. (*поблднев, пошатнулся.*) Шешковскому?! Ведь он же всех пытается! Он — зверь, не человек!

ВОРОНЦОВ. Александр Николаевич, успокойся... какой ты слабонервный. Не скрывай, что книгу написал и отпечатал... Все это им уже известно... поэтому не отпирайся. Книготорговец Зотов взят уже под стражу. Ты на допросе от идей своих сейчас же откажись.

РАДИЩЕВ. Ведь, это недостойно человека!

ВОРОНЦОВ. Что делать, дорогой?... Гельвеций трижды отрекался... Иначе дело кончится плачевно... С тобой мы часто осуждали и царей и неправильности управления, но ты забыл пословицу, мой друг, что — „языком болтай, рукам воли не давай“. Ты ж настрочил не мало непозволительных суждений и в обращение пустил. Я должен упрекнуть тебя за то, что ты все это сделал, не поговорив со мной. Теперь, мой друг, придется отвечать, и я весьма всем этим озабочен.

РАДИЩЕВ. Да, я поступил неосторожно.

ВОРОНЦОВ. Необходимо от всего отречься, дорогой.

РАДИЩЕВ. Нет, граф, не отрекусь. Я преступле-

ния в писательстве своем не вижу и постараюсь убедить их в том. „Наказ“ императрицы о свободе сочинительства поможет защитить мои права.

ВОРОНЦОВ. Дружочек мой, как ты наивен. „Наказ“ императрица положила под сукно... она напугана французскими делами... Хотел я к государыне сестру мою направить, чтобы она уговорила под суд тебя не отдавать, но ты ей насолил памфлетом; и защищать тебя она не будет.. скорей—наоборот. Ну, как-нибудь я сам попробую помочь... Тут дело не Сибирью, а похуже пахнет...

РАДИЩЕВ. Граф, неужели же меня казнят?

ВОРОНЦОВ. Не надо было ни печатать, ни распространять. Сейчас совсем не время... нельзя свободу с самодержавьем сочетать. Твои идеи, Александр Николаевич, лет через сто могли ростки бы дать. Сейчас же—при монархии, при тупости и алчности дворянства да при темноте народной тем, что ты пишешь, кровавые события лишь вызывать... бунты разрозненные, за ними усмиренья... До революции у нас в стране далеко, да и нужна ль она—вопрос! Ну, я поехал... Я не хочу, чтоб здесь меня застали. (*Жмет руку Радищева.*) Александр Николаевич, не волнуйся... я тебя, ты знаешь, как ценю! Погибнуть я тебе не дам. Прощай! (*Ушел.*)

РАДИЩЕВ. Как все это ужасно! Как тяжело свой труд уничтожать. (*Идет к письменному столу, выдвигает ящик, достает еще книги, подходит к двери.*) Лизанька, по-ди сюда!

(Входит Лиза).

РАДИЩЕВ. Вот еще три экземпляра... жгите тоже...
ЛИЗА. Очень трудно жгутся... приходится на

части разрывать. *(Начинает рвать книги пополам).*

РАДИЩЕВ. А у меня так сердце рвется... все дрожит внутри... как будто человека убиваю... *(Резкий звонок.)* Пришли... Лиза, уноси... скорей, скорей все жгите.

ЛИЗА. Не волнуйся, Саша, почти все в русской печке поместились и уж горят давно! *(Лиза убежала. Радищев опускается на стул и закрывает лицо руками).*

(Входит офицер. Радищев медленно встает).

ОФИЦЕР *(берет под козырек).* Честь имею! *(Вынимает бумагу.)* По указу ея императорского величества коллежский советник и кавалер ордена святого Владимира, Александр Николаевич Радищев—вы арестованы.

Картина седьмая ДОПРОС

Одна из комнат Петропавловской крепости. Сводчатые потолки, поддерживаемые толстыми колоннами. Шешковский сидит за столом, Радищев в некотором отдалении от стола сидит на табурете. Вся его фигура выражает бесконечную усталость, лишь глаза лихорадочно блестят.

ШЕШКОВСКИЙ. Ну, что же, сударь, я дождусь от вас ответов?

РАДИЩЕВ. Вы не даете третьи сутки спать... Я изнемог... Все мысли путаются в голове...

ШЕШКОВСКИЙ. Вы отвечайте на вопросы и не трудитесь состраданье вызывать.

РАДИЩЕВ. Мне и не надо состраданья! Но дайте отдохнуть!.. Я не могу... меня как в лихорадке бьет... такое напряжение нервов, что я не-отвечаю за себя...

ШЕШКОВСКИЙ. Вы заслужили это. Вы взрослый че-

ловек, а не ребенок. Должны прекрасно понимать всю тяжесть вашего проступка. И если будете молчать и упираться, — придется вам еще немного не поспать.

РАДИЩЕВ. Ведь пытки государыней отменены.
ШЕШКОВСКИЙ. А кто же вас пытается? Я сам, и очень часто, с бумагами сижу до самого рассвета. (*С усмешкой.*) Велика пытка — не поспать. И если будете молчать, то наказание будет тяжелее; едва ль увидите свою семью; и наша государыня, хоть милосердна, но суд законы применит о государственной измене и убедит ея величество изъять преступника из жизни... чтобы спокойно всем жилось, чтоб не было у нас в стране того, что совершилось в Париже. Из нас никто не пожелает испробовать нож гильотины, вдобавок в лапах русских мужиков. А вы к тому, сударь, ведете! Заразу сеете... среди тупых зверей! Поймите: мужик наш русский — зверь. Его лишь поркой можно усмирять. А вы желаете для них освобожденья... чтоб эта темная лавина нас задавила? Нет! Да, между прочим, ваши сыновья и тетка их о вас справлялись... просили очень с вами повидаться. Я им отказал, сказавши, что отец ваш государственный преступник и на свиданье с ним никто не может быть допущен. Расстроились мальчишки.

РАДИЩЕВ. Не говорите мне о детях, вы рвете сердце мне на части, вы знаете — как их болезненно люблю...

ШЕШКОВСКИЙ. Знаю... я все знаю... что вы вдовец уже лет семь, что дети учатся прекрасно, отлично знают языки немецкий и французский, что дочка ваша — прелесть, Рафаэля ангелок! Бедняжка так

о вас скучает, что даже кушать перестала и все твердит: „наш папенька ушел и нас совсем забыл... наверно, больше не увидим“... Пожалуй, что она права... Совсем бедняжка расхворалась. Да замолчите ж! Замолчите! (*Разрыдался*).

РАДИЩЕВ.

ШЕШКОВСКИЙ. Ну, Александр Николаевич, успокойтесь. Вам ничего и рассказать нельзя, голубчик. Хотите рюмку водки, вас это подбодрит немного?

РАДИЩЕВ. Нет, дайте мне воды.

ШЕШКОВСКИЙ (*дает воды и говорит очень ласково*). Скажите, что побудило вас писательством заняться? Вдобавок очень странно — почти на склоне лет, не в юности, как большей частью бывает?

РАДИЩЕВ. Я в юности смотрел на мир не так, как смотришь на него теперь. Когда вокруг себя оглянешься, то видишь в мире столько человеческих страданий, угнетенья, что хочется хоть чем-нибудь помочь. Долг каждого писателя в том заключается, чтоб пробудить сознание и добродетель в каждом гражданине, чтоб человек был „человеком“, а не тупым и злым скотом. И мне хотелось показать все зло и ужас крепостного права, все несовершенство и несостоятельность законов наших, бесчестность, произвол, корысть начальников и подчиненных... короче — все, что жизнь людей коверкает и заставляет нести ее как тяжкий крест.

ШЕШКОВСКИЙ. Вы слишком мрачно смотрите на жизнь... Я думаю, сему причина ваш характер — вы к ипохондрии склонны.

РАДИЩЕВ. И ипохондрия получена из жизни. Я это ясно сознаю. Хоть головой об стенку бейся, ничем и никому помбчь не сможешь. Пиши, кричи о темных сторо-

нах... все ни к чему... писательство
твое сожгут, а самого засадят в кре-
пость... вот что со мною и случилось.

ШЕШКОВСКИЙ. Александр Николаевич, вот вы не-
много успокоились, давайте говорить
серьезно. От вас зависит самого, как
повернуть все дело. Государыня мне
как-то говорила, что счастье человека
зависит от его характера и поведенья...
Первая посылка: характер человека,
вторая—поведенье и вывод—счастье иль
несчастье. У государыни мышление впол-
не логически идет... философам фран-
цузским не уступит, Вольтера и Дидро
и всех других читает, но вместе с тем
прекрасно знает, что можно допустить
у нас в стране и что нельзя — все, что
вредно, в зародыше задушит, как и вас!
И в этом... мы все... ей поможем.

РАДИЩЕВ (*нервно*). Ну, задавайте мне скорей во-
просы. Я буду отвечать... хоть в голо-
ве туман.

ШЕШКОВСКИЙ. Вы не волнуйтесь так, мосье Ради-
щев. Мы здесь не на суде... Совсем
одни... и нас никто не слышит.

(За колонной сидит приказный тайной канцеля-
рии и все записывает. Р а д и щ е в его не видит).

Мне важно лишь узнать, что побудило
вас крамольным сочинительством за-
няться. Не виновата ль в том ея вели-
чество сама? Быть может, вас она оби-
дела?... И вы в суде хулить ее начне-
те?... Осуждать?...

РАДИЩЕВ. Нет, государыня ни в чем и никогда
меня не обижала... наоборот—я взыскан
ею был высоко... за службу ревност-
ную наградила чином советника и орде-
ном... За что же мне хулить ее и быть
неблагодарным?

ШЕШКОВСКИЙ. Тогда — прекрасно все! Мне важно

было это знать. Теперь вы можете спокойно мне на вопросы отвечать., Ведь остальное все не так уж важно... раз государыни священной особы ваши обвинения не коснутся. Итак, скажите *(берет книгу)* вот эту книгу „Путешествие в Москву из Петербурга“ и оду „Вольность“ вы написали?

РАДИЩЕВ. Я.

ШЕШКОВСКИЙ. Один иль вместе с кем?

РАДИЩЕВ. Нет, я один.

ШЕШКОВСКИЙ. А кто печатал?

РАДИЩЕВ. Тоже я... мне крепостные помогали...

ШЕШКОВСКИЙ. А где же вы печатали?

РАДИЩЕВ. После разрешенья государынею вольных типографий, я приобрел станок и шрифт у Шнора.

ШЕШКОВСКИЙ. Так-с... В цензуру представляли экземпляр?

РАДИЩЕВ. Да, отослал в управу благочинья.

ШЕШКОВСКИЙ. А кто туда носил?

РАДИЩЕВ. Досмотрщик таможни, мой подчиненный Мейснер.

ШЕШКОВСКИЙ. Так-с... Фамилию свою для напечатанья вы объявили?

РАДИЩЕВ. Нет... да обер-полицмейстер и не спросил.

ШЕШКОВСКИЙ. Так-с... А сколько экземпляров вы напечатали? И сколько отдали в продажу? Сколько раздали? Кому? И сколько на руках осталось?

РАДИЩЕВ. В продажу отдал двадцать пять. Козодавлеву я отдал два экземпляра, один ему, другой просил снести Державину Гавриил Романовичу, желая получить на сочинительство мое оценку. Потом я подарил Алсуфьеву...

ШЕШКОВСКИЙ. Ротмистру Алсуфьеву?

РАДИЩЕВ. Да, ротмистру, да иностранцу Витцма-

ну...да прапорщику Дарагану—по одному. Хотел послать Кутузову, да передумал.

ШЕШКОВСКИЙ. Кутузову... Какому? Алексею? что за границей?

РАДИЩЕВ. Да. И остальные все я сжег.

ШЕШКОВСКИЙ. А сколько было всех?

РАДИЩЕВ. Да...около шестисот пятидесяти... не больше.

ШЕШКОВСКИЙ. Какая цель была у вас при написаньи этой книги?

РАДИЩЕВ. Я вам уж об'яснял.

ШЕШКОВСКИЙ. Нет, этого мне мало... Быть может, славы добивались?

РАДИЩЕВ. Славы? Да... вы правы... *(Как бы уцепился за мысль.)* Хотел я заслужить известность смелого писателя, который не боится правду говорить и бичевать пороки.

ШЕШКОВСКИЙ. Но вы бичуете не только подданных, но даже государей... Вы видите в теперешнем правленьи пороки и ревностно хулите их.

РАДИЩЕВ. Я не имел намеренья хулить образ правленья, лишь недостатки в судопроизводстве, в вексельной системе... злоупотребления начальников, вельмож я осуждал.

ШЕШКОВСКИЙ. На чем основывались вы?

РАДИЩЕВ. Я брал из жизни факты.

ШЕШКОВСКИЙ. Что ж этим фактам вы были сам свидетель?

РАДИЩЕВ. Нет, не всегда.

ШЕШКОВСКИЙ. Ну, например, неудовольствие вельможами на чем основываете вы?

РАДИЩЕВ. На жалобах и огорчениях других, не самого себя. Я от начальства ничего плохого не имел и многим я весьма обязан... но что вокруг свершается, то

видел я и захотел исправить, но, признаюсь, я слишком резко, дерзко все обрисовал, за что себя теперь я обвиняю.

ШЕШКОВСКИЙ. Так-с...я не буду по страницам разбирать всего, что в этой книге вы писали. Но кое-что еще спрошу. А это „кое-что“ грозит вам... казнью!

РАДИЩЕВ (*вскрикнул*). Казнью?! Ужели так велико преступление?

ШЕШКОВСКИЙ. Прошу потише! Не стройте из себя невинного ягненка, которого пожар желает волк. (*Перелистывая книгу.*) О положении у нас в стране крестьянства я и говорить не буду, слишком все нелепо, о чем вы тут толкуете. Помещиков вы выставляете какими-то зверями, кровопийцами и палачами! Которые о том лишь думают, что как бы им побольше денег пособрать и на чужом труде развратничать и жить в свою утробу. Да только то и делают, что мучают несчастных мужичков!...

РАДИЩЕВ (*не сдержавшись*). Да разве ж это все неправда?! Ведь, большинство помещиков плантаторы! Плантаторы, которые бесстыдно и открыто мучают до издевательства голодный и бесправный наш народ. Закон молчит! Сии плантаторы заслуживают мщенья, и посему не странно будет, коли терпение народа прекратится, и он сожжет овины, житницы и риги...и в прах развеет все, что нажито его трудом!

ШЕШКОВСКИЙ. Неправда! Ложь! Нигде холопам лучше не живется, чем у нас в России, где мудрость и милосердие царицы простираются не только на дворян, но и на низшие сословья, к несчастью даже и на бунтовщиков... ибо крестьян

РАДИЩЕВ. Считаю после Пугачева отъявленными ворами, убийцами, бунтовщиками! Мне трудно с вами говорить, мы смотрим на события совсем различными глазами.

ШЕШКОВСКИЙ. Да, конечно, по вашему вор и разбойник Пугачев шел на защиту угнетенного крестьянства; что бунт его был по причине жестокостей помещиков над поработенными людьми. Вообще мы кончим этот разговор. Мне взгляд ваш ясен на сей вопрос. А вот скажите мне — как вы могли до такого умапомрачения дойти, что осмелились в своем писаньи (*трясет книгой*) над помазанниками бога над царями издеваться? их поносить? ругательски ругать... и призывать народ вести царей на плаху?!!!...

РАДИЩЕВ. Я не издевался...я хотел...

ШЕШКОВСКИЙ. Молчать!!! Излишни ваши оправданья. Не издевался?! А это что: „Он был царь. Скажите, в чьей голове может быть больше несообразностей, ежели не в царской“... Не издевался? а?... и не ругался!... вот: „Злодей, злодеев всех лютейший“ ...„Преступник изо всех первейший“... Да вы, сударь, прекрасно знаете, какие мерзости вы здесь понаписали, читать мне вам излишне.

РАДИЩЕВ. Позвольте мне вам объяснить...

ШЕШКОВСКИЙ (*раздраженно*). Какие объяснения? Я на месте государыни без суда бы уничтожил вас!

РАДИЩЕВ. Да дайте ж мне сказать.

ШЕШКОВСКИЙ (*не давая говорить*). Вы честнее поступили б, когда б на площадь вышли и, как Дантон и Робеспьер, открыто бы призвали к бунту... и уничтожению царей. Толпа вас растерзала бы на клочья, а церковь прокляла бы... тем

дело бы и кончилось. А вы... вы гнусно поступили: исподтишка, печатным словом захотели устои государства расшатать и постепенно революцию у нас в стране поднять! (*Очень зло.*) Республику устроить! Чтоб правили народы, не цари!!! Говорите—куда вы дели остальные экземпляры? Где спрятали?

РАДИЩЕВ. Я же сказал, что сжег?

ШЕШКОВСКИЙ. Неправда! Лжете! Вы не сожгли, а спрятали. Говорите же—куда? Иначе я прикажу весь дом у вас перевернуть и допросить семью. Мальчишек поркою заставлю указать, куда их папенька запрятал книги...

РАДИЩЕВ. Нет, нет! Не смеете!

ШЕШКОВСКИЙ. Я, сударь, смею „все“. Государыня мне следствие доверила, и я добьюсь всего, что надо... Не то что вас... я благородных дам кнутом стегал... за сплетни, и государыне сие известно!

РАДИЩЕВ. Ну, что, ну что вам надо? Говорите... Клянусь я, что остальные книги сжег! (*Истерично.*) Клянусь здоровьем и жизнью... моих детей!!!

ШЕШКОВСКИЙ. Вы должны покаяться. Взывайте к благости и милосердию царицы. Книгу эту вы должны признать вреднейшей, гнусной, мерзкой... должны в повинной это написать... единственно, что может вас спасти, иначе будете вы лишены всех прав и казнены! И детям вашим не сладко будет житься, придется жалкое существование нести.

РАДИЩЕВ (*пошатнулся*). Да...хорошо...я напишу... (*Теряет сознание*).

ШЕШКОВСКИЙ. Он потерял сознание. Снесите в камеру его и доктора пошлите. Допрос dokonчу я потом.

ЗАНАВЕС.

печку-то пожарче истоплю, стужа-то большая. Еще охапку принесу дровец.
(Ушла).

РАДИЩЕВ

(продолжает писать стихи).

..... На что мне жить? когда мой век стал...

(Входит стражник Иван Петров).

ПЕТРОВ.

Здравствуй, Александр Николаевич. Мороз здоровый. Я обогреюся маленько у тебя.

РАДИЩЕВ

(продолжает писать). Ну, что же обогрейся... вон... сядь поближе к печке.

ПЕТРОВ.

А цыгарки нет у тебя? Уж больно покурить охота.

РАДИЩЕВ.

Вон там табак—возьми.

ПЕТРОВ.

Уж ты мне сам отсыпь.

РАДИЩЕВ.

Ну, ладно, давай кисет, насыплю. (Насыпает ему табак).

ПЕТРОВ.

Вот благодарствуй, барин! Махорку всю извел, а взять-то негде... Да ты уж и бумажки мне давай. Во, во, спасибо. (Сел на лавку, с удовольствием стал заготавливать цыгарку).

(Радищев сел опять писать).

ПЕТРОВ.

Александр Николаевич! Барин! Я вот смотрю все на тебя и не пойму никак—арестант ты али нет?... Уж больно не похож на арестанта. Вот нас двоих приставили к тебе... стеречь велели, чтоб не убег... а ты не побежишь! Уж больно смиренный и жалостливый к людям... подводить нас не захочешь.

РАДИЩЕВ

(с улыбкой). Конечно, я не побегу. Куда бежать-то?

(После паузы).

ПЕТРОВ.

Барин, дозвожь спросить тебя?...

РАДИЩЕВ.

О чем?

ПЕТРОВ.

За что тебя сюда сослали? Ужели правда, что ты взятки брал?

- РАДИЩЕВ. А ты как думаешь?
- ПЕТРОВ. Я думаю, что врут. Их благородие исправник говорит, что беспрерменно ты брал взятки и по многу... „кубышка, быдто, у тебя полна“... что не мешало б с ими поделиться.
- РАДИЩЕВ. Вон как?
- ПЕТРОВ. А я так думаю, что врет, болтает спьяна! Корусти нет в тебе. Ты даже лечишь даром грязных мужиков, что здесь окрест живут... и не берешь с них ломаной копейки и им ишь наровишь что дать. Ты, барин, мне скажи—за что тебя сослали?
- РАДИЩЕВ. Коль интересно знать тебе, Иван Петров, то я скажу: писатель я; за книжку сочиненную меня сослали. Сначала в крепость посадили, заковали в кандалы... потом судили... потом приговорили к смертной казни...
- ПЕТРОВ. Тьфу ты пропасть! За книжку? К смертной казни?
- РАДИЩЕВ. Да... Потом помиловали и государыня велела, куда подальше, отослать...
- ПЕТРОВ. Вон как!... Хорошо, что грамоте я не учился!... Какие страсти — за книжку к смертной казни? Нет, лучше темным пребывать, а то в беду легко ввалиться. Ну, я пойду — снаружи сторожить тебя. Спасибо... обогрелся... (*Ушел*).

(В избу вваливаются закутанные три фигуры, сразу наполняя избу веселостью и шумом, за ними Настасья, которая разглядывает их с любопытством).

- ЛИЗА. Здравствуйте! Приехали целехоньки и невредимы! Вот твои младенцы—получай. (*Толкает детей вперед*).
- РАДИЩЕВ. Лиза? Ты?... Катюша! Поленька! неужто вы? Приехали?
- КАТЯ. Папенька!

- ПАВЕЛ. Папка! Здравствуй! (*Объятия, шум крики*).
- НАСТАСЬЯ (*указывая на Павла*). А разве это—дочка? Я думала—парнишка.
- ПАВЕЛ (*обиженно*). Я не девчонка, я мужчина...
- НАСТАСЬЯ. Ишь ты... мужчина... а как же Поленькой зовут?
- ПАВЛИК. „Поль“—по французски Павел!
- НАСТАСЬЯ. А... вот как...
- РАДИЩЕВ. Ну, Павел, раздевайся! Не замерзли? Нет?
- КАТЯ. Нет! Не замерзли... Кибитка теплая, и шубой мы покрылись...
- ПАВЛИК (*очень серьезно*). Там жеребенок!
- РАДИЩЕВ. Где? В кибитке?
- (Лиза и Катя смеются).
- ПАВЛИК. Нет... на дворе. Я пойду его поглажу...
- КАТЯ. И хлебца мы ему снесем. (*Показывая на краюху хлеба, лежащую на столе*.) Можно?
- ЛИЗА. Можно. Возьми ломоть, да поскорее возвращайтесь, а то замерзнете... и отдышать пора... Дуняше и Григорию скажите, чтоб вещи выгружали. (*Дети убежали. Лиза начинает снимать с себя платки, капор, тулупчик*).
- РАДИЩЕВ (*беря ее за плечи*). Лизанька, ужели ты? Я не могу поверить! Какой же ты герой. Приехала, как обещала, и ребятшек мне с собою привезла! А я уж тут совсем пал духом...
- ЛИЗА. Подумаешь! Какое тут геройство; приехали и все тут! А ты чего такой стал бледный, да худой? (*Оглядывая избу*.) Живешь ты неказисто... Хоромина-то небогата! Худодырова боярина палата!
- РАДИЩЕВ. Это бывший воеводский дом... все остальные комнаты почти совсем уж развалились, я выбрал лучшую. (*Смеется*.) А ты, такая же шутница. (*Хватая ее*

ЛИЗА. *опять в объятия*). Лизанька! Родная! Ой, пусти! Давай собирать на стол. Мы аки волки жадные все у тебя съедим. Да ты не бойся, мы с собою изрядно привезли, да все такого, что ты любишь: баранок, кофею... и сыру... (*подчеркивая*) и устерсов тебе мы привезли... в замерзшем виде!

РАДИЩЕВ. И устерсов?

ЛИЗА. Я знаю, что ты их любишь, как генерал, которого ты в книжке описал; да только ты за ними курьера не послал бы и не платил ему ни подорожных, ни прогонных, (*тихо*) как князь Потемкин, а мы тебе их привезли. Скажи, чтоб самовар поставили. (*Входит Настасья, внося один из узлов*).

РАДИЩЕВ. Настасьюшка, вздуй самоварчик. Да Ванюхе там скажи, чтоб вещи выгружать с повозок помогал.

НАСТАСЬЯ. Скажу, скажу. Ишь радость-то тебе какая, а ты тут приуныл. (*Указывая на Лизу*). А это кто ж тебе—жена аль дочка?

ЛИЗА. Я—бабушка его!

НАСТАСЬЯ. (*смеясь*). Ишь вздумала-то что! Шутница! (*Уходит*).

(Входит Дуняша, внося тоже узлы, низко кланяется).

ДУНЯША. Барин, здрасте! Мы тоже к вам, с Григорием, приехали.

РАДИЩЕВ. (*радостно*). Дуняша, здравствуй.

ЛИЗА. Они меня одну не захотели отпускать, со мной поехали, чтобы не страшно было. А твой Григорий все твердил— „да как же Александр Николаич без меня там жить-то будет“. А сколько книжек мы тебе приволокли! В повозке—целый ящик! (*Дуняша ушла*.) И по химическим наукам, и по торговой

части, и по медицине... всего не перечсть. Все Воронцов собирал тебе... и проводил нас два прогона. И на пути все наставления читал мне... что „вы, сударыня, берете великий подвиг поддержать упавший дух, а это вижу я из писем большого человека, который должен был бы быть первейшим человеком в государстве по образованию и по величию души... а не томиться в ссылке... Я все усилья приложу, чтоб вызволить его оттуда... Пусть только обождет, и государыня, быть может, переменит гнев на милость; но не сейчас еще пока... сейчас в сильнейшем гневѣ пребывает и слышать о Радищеве не хочет“.

РАДИЩЕВ.

И слышать обо мне не хочет? Еще бы—я для нее „французской революции в России подвизатель“. Учсть того она не может, что книгу написал я раньше, чем во Франции случился переворот.

ЛИЗА.

Вот злюка старая, хоть и царица! Ну, да ладно, мы и здесь с тобой не пропадем. Вот только надобно получше все устроить. Я несколько деньков поотдохну да покачу в Иркутск, с запискою от графа Воронцова, он мне вручил перед отъездом—все выхлопочу там!... Велю им приказать построить для тебя здесь новый дом! Нельзя в такой лачуге жить!

РАДИЩЕВ.

Ишь, командир какой нашелся—подумаешь, „сам губернатор“—а не Лиза. (Смех).

ЛИЗА.

Да! Главное тебе забыла рассказать. Воронцов велел тебе сказать, чтобы о старшеньких твоих, о Ваське с Колькой, ты не сокрушался, он их забрал пока к себе и сам пещись об их обра-

зованыи будет. А младших сам учи здесь, да я тебе в том помогу. Учебников я привезла страсть сколько! Мы с нашими чужих ребят в науку пустим... вот дело-то у нас и будет в шляпе! А тебе он наказал писать...писать. И книжки все твои отдаст потом он отпечатать. Об этом он писал в Иркутск—Алябьеву. Тот типографию помог купцу Корнилову построить...И издают уж там журнал, который называется „Иртыш“...а дальше как? Да! „превращенный в Ипокрену“...

РАДИЩЕВ.

Лизанька, родная! Сколько счастья с собой ты привезла. Моя душа опять воспряла! Я тот же, что и был... В грядущее опять открылась вера. Я от идей своих не откажусь... в своих трудах все изложу...Жестокость времени преодолею, ум человеческий направлю на борьбу с насильем, рабством, темнотою! (*Взволнованно ходит по комнате*).

ЛИЗА.

Ты знаешь, Сашенька, когда тебя арестовали и судили... и книжку „Путешествие“ твою из обращения изъять царица приказала—так пуще прежнего всем интересней стало прочесть ее. Те, кто побогаче, так платили по двадцать пять рублей, лишь только бы прочесть. И многие друг дружке потихоньку читать давали. А многие запрятали ее куда подальше, жалеют уничтожить. Я сама ту книжку, что ты, помнишь, подарил мне и сжечь которую мы позабыли, всю до конца прочла... и спрятать отдала кузену Алексею. И знаешь... печатать запретили, так некоторые пишут от руки!

РАДИЩЕВ.

Да, у меня горячее желанье, чтоб труд мой даром не пропал и проложил дорогу к лучшим временам.

ЛИЗА. Не пропадет! Не беспокойся... Как горсточка дрожжей опару в кадке поднимает, так и слова твои в умах броженье зародили. В России хоть и не сейчас, а перемена будет, будет!

К а р т и н а   д е в я т а я

ОТЪЕЗД ИЗ ИЛИМСКА. 1797 год

Большая чистая комната. Простые столы и стулья. Большая кровать, на которой лежит больная Елизавета Васильевна. Около—стол, на котором стоят лекарства. Вблизи—другой стол, на котором разложены книги и бумаги Радищева.

(Входит Дуняша).

ДУНЯША. Барыня...не спите?
ЛИЗА. Нет, Дуня, не могу...
ДУНЯША. Из Петербурга вести-то какие!
ЛИЗА. Что там такое? Случилось что?
ДУНЯША. Государыня скончалась!..И наследник Павел Петрович на трон взошел!
ЛИЗА. Господи! Ужели это правда? Откуда ты узнала?
ДУНЯША. Да там исправник наш приехал... тот, что барину опять грозил и денег требовал...ну, тот, что пьяный был, ну, тот, что за обедом говорил: „Александр Николаевич, починай свою кубышку, не скупись... ведь, ты под властью у меня...ты ссыльный, и я могу с тобою поступить, как знаю“.
ЛИЗА. Уж больно шустрая ты, Дуня, везде-то ты подслушаешь...нехорошо!
ДУНЯША. Да что вы, барыня, я не подслушала—их благородие при мне так говорили... как я на стол закуску подавала. И сейчас он пьяный, пьяный, бушует там и о царице плачет.
ЛИЗА. Ну, ладно, позови скорей ко мне Александра Николаевича и нянюшку Настасью, да только пусть она сначала

укачает малыша, а то опять он раскричится.

(Дуняша уходит).

ЛИЗА. Матерь божья! Владычица святая! Пошли здоровья мне скорей! Господи! Услышь рабу твою Елизавету!

(Вошел Радищев).

РАДИЩЕВ (с улыбкой). О чем ты, Лизанька, взмолилась так?

ЛИЗА. Сашенька, я умоляю бога, чтобы здоровья мне скорей послал—мне ехать надо!

РАДИЩЕВ. Вот „путешественник неутомимый“... куда? зачем?

ЛИЗА. В Россию...в Петербург! Я в ножки ки-нусь государю и вымолю тебе прощенье.

РАДИЩЕВ. (ничего не понимая) Какому государю? ЛИЗА. Павлу! Царица-то Екатерина умерла... исправник там приехал...говорил...

РАДИЩЕВ. Екатерина умерла? Вот радость-то! Екатерина умерла! Хоть радоваться смерти непристойно, но скрыть я чувства не могу...Я рад! Я рад!!

ЛИЗА. Сашенька, я тоже!

РАДИЩЕВ. (подсел к ней, говорит, шутя). Вот, значит, мы, с тобою два государственных преступника опасных.

ЛИЗА. А зачем она твою „заесть“ хотела жизнь?!... Ну, Сашенька, что ж нам с тобою предпринять сейчас? Как нехстати я заболела!

РАДИЩЕВ. Да, напрасно ты жаловаться ездил в Иркутск! Ведь все равно исправника ты не исправишь. Сместят...другой быть может, хуже будет. Вот и слегла... хорошо, что жару нет теперь большого... А как спина и бок болят еще?

ЛИЗА. Да...очень сильно...

РАДИЩЕВ. Жenuшка моя ты бедная...больная.

Никак мне выправить тебя не удастся... уж больно ты здоровьем слаба. Илимск тебе и детям—вреден, солнце мы почти не видим... нам бы на юге жить... да не судьба.

ЛИЗА.

Да ты не беспокойся—я поправлюсь и, думаю, что очень скоро. Тогда поеду. На всякий случай велю заранее собрать мне вещи, дня через три-четыре может и удастся...А ты пока пиши прошение, чтоб царь помиловал тебя и разрешил на родину вернуться, а я свезу... Меня его величество, быть может, не забыл...он в Смольном на спектакле был, когда я представляла...и очень мне в ладоши хлопал. Я тогда была в последнем классе, а он—наследником престола...

РАДИЩЕВ.

Нет, так скоро ехать невозможно... я не позволю...безумство будет это! Так далеко...сейчас зима...да и с младенчиком что делать без тебя? Мы подождем весны.

ЛИЗА.

Ой, Сашенька, как долго!

(Вбегает Дуняша).

ДУНЯША.

Там почту привезли!

РАДИЩЕВ

(*быстро вставая*). Я, Лизанька, пойду приму. Быть может, интересные есть вещи в связи с событием в Петербурге. (*Ушел*).

ЛИЗА.

Дуняша, начни-ка вместе с няней вещи собирать в дорогу. Я, как поправлюсь, тотчас же поеду в Петербург. Тебя с собой возьму, чтоб ехать не одной.

ДУНЯША.

Вот хорошо-то! Там мамынька о мне соскучилась. Небось, как рада будет? Помните, как голосила, когда мы уезжали?

ЛИЗА.

Да и моя мамаша, хоть и была всегда

мною недовольна, а разливалась рекой и валерьянку принимала.

(В комнату вбегает Радищев, в руках его большой конверт, который он держит над головой).

РАДИЩЕВ. Ну, Лизанька, в Россию едем... вместе!!!

ЛИЗА. Что?

РАДИЩЕВ *(радостно шагает по комнате, размахивая пакетом и декламирует)*.

„Час приближенный!

День вожделенный!

Мы оставляем,

Мы покидаем

Илимски горы,

Берлоги, норы!

(Радостно смеется, вертится).

ЛИЗА *(с некоторым испугом приподнялась на локтях)*. Сашенька! Да ты с ума сошел?!

РАДИЩЕВ. Нет, нет! Я не сошел с ума. Приказ! Приказ из Петербурга! Опять граф Воронцов помог! Вот слушай я прочту: „Всемиловейше мы повелеваем: находящегося в Илимске на житье Александра Радищева освободить оттуда; и жить ему в своей деревне под Калугой, предписав начальнику губернии, где он будет пребывать — наблюдать за поведением его и перепиской“.

ЛИЗА *(вместе, расплакавшись)*. Господи, счастье-то какое!

ДУНЯША *(Ой, мамыньки! Вот хорошо! Пойтить всем рассказать! (Ушла)*.

ЛИЗА. Скорей, скорей поправиться мне надо. Я больше жить здесь немогу. *(Плачет)*.

РАДИЩЕВ *(обнял ее)*. Ах, ты мой „горе-богатырь“. Вчера еще геройство проявляла и говорила, что здесь живется нам не плохо и что печалиться не будешь, если заставят нас здесь жить до самой смерти.

Вижу, что обманывала ты меня, желая бодрость поддержать. Ну, Лизочек, успокойся... *(Гладит ее по голове.)* Тебе не надо волноваться, а то опять тебя ударит в жар... Давай обсудим, как подготовить наш отъезд и срок давай назначим.

ЛИЗА.
РАДИЩЕВ

Давай поедем послезавтра. *(с улыбкой)*. После завтра? Ах, ты, мой милый, чудачок! Ты мне сейчас напоминаешь, как девочкою ты была... помнишь? когда я сватал за себя Анюту?

ЛИЗА

(грустно). Да, конечно, послезавтра ехать невозможно... Ведь, все собрать немало времени уйдет, семья-то ведь большая... *(с досадой)* да вот еще—подняться не могу!

РАДИЩЕВ.
ЛИЗА.

Да, Лизанька, весны дожждаться надо. Нет, низачто! Сейчас зима и ехать будет лучше... на санях...трясти не будет... А весной придется ехать на телегах или в тарантасах—всю душу вымочает тряска. Уж лучше ехать поскорее, пока везде снега. Меня положите вы в сани, тулупами накрнете... я буду спать. От радости—и боли все утихнут!

(В дверь высовывается нянька Настасья с ребенком на руках, которого она укачивает, и говорит приглушенным голосом).

НАСТАСЬЯ. Исправник лезет к вам... Дуняша не пускает... а он не слушает и прет... совсем пьянущий!.

(Голос за дверью)

ИСПРАВНИК. Пусти! Не будь препоной на пути моем! Я—кающийся грешник! *(Вваливается с кульком бутылок.)* Александр Николаевич, уважаемый, ценимый мной высоко! Перемените гнев на милость. Я перед вами виноват! *(К Елизавете Василь-*

евне.) Сударыня, прошу вас, заступитесь! *(Опять к Радищеву.)* Я знаю, вы не взяточник, „кубышки с деньгами“ у вас в запасе нет... Я понапрасну вас тревожил, я понапрасну вам грозил... *(Встает на колени.)* Простите! Каюсь! Сто раз прошу—простите! Вы едете в Россию? — не говорите, не говорите, умоляю, что деньги вымогал! Я был тогда в нетрезвом состоянии, не то что вот теперь, когда и в сердце ясность и в голове... *(Пошатнулся.)*

РАДИЩЕВ. Не унижайтесь, встаньте. Хорошо, я не скажу. Пойдемте толковать туда—жена здесь у меня больная...

ИСПРАВНИК. Сто раз прошу простить, сударыня... Сейчас уйду. Но только дар примите. *(Подает кулек с бутылками.)*

ЛИЗА. Ах нет, не надо!

ИСПРАВНИК. Александр Николаевич! Прошу!

РАДИЩЕВ. Нет. Благодарю вас, я не возьму.

ИСПРАВНИК. Обидите меня! В дорогу вам необходимо! Промерзнуть можно... заскучать... а сей напиток душу веселит... сто раз прошу, возьмите...

ЛИЗА. Нет, нет мы не возьмем!

ИСПРАВНИК. Ах, не возьмете? Нет? Тогда я не уйду. *(Хочет сесть на стул.)*

РАДИЩЕВ *(желая выпроводить его).* Возьму, возьму. Благодарю вас... до свиданья.

ИСПРАВНИК. Честь имею... Утруждать своей особой больше вас не смею. Уведомьте меня о дне отъезда — проводить приду. Сто раз прошу — простите! *(Ушел, забрав с собой кулек.)*

ЛИЗА. Как пьяных не люблю! Противный! Как странно — все исправники такие!

РАДИЩЕВ. Ну, нет, не все. А помнишь тот, что умер—Ковалевский, хоть и пьянчуга был, но в нем кой-что от человека оставалось.

ЛИЗА.

Надо детям бы сказать, что скоро едем. Катюша с Павликом тебе помогут твою библиотеку и рукописи все пособрать. Я это сделаю один... Дня в два все приведу в порядок. По химии закончить записи успею... все остальное сложено в шкафах, в порядке... по системе, а в ящики сложить недолго. *(Начинает собирать книги на столе, берет небольшой портрет дочери.)* Как хорошо ты Катеньку нарисовала... похожа как... и как Анюточку напоминает.

ЛИЗА.

Пожалуй, Анюточка красивее была.

РАДИЩЕВ.

Нет, не скажи... вот выравняется, так лучше будет! Ну, до чего похожа! Глаза, овал лица, улыбка... И характером похожа на нее, такая ж добрая и тихая, и хочет всем помочь...

ЛИЗА

(весело). Ну, в этом случае, она портрет с тебя! Граф Воронцов прислал сластей ей к именинам — все раздала илимским ребятишкам.

РАДИЩЕВ.

Что ж...ей приятно радость доставлять.

ЛИЗА.

А где сейчас Катюша?

РАДИЩЕВ.

Она и Павлик на лыжах побежали в становище тунгусов. Прошлогодние опять прикочевали к нам... всего в версте остановились. Лечиться все идут ко мне; а помнишь как сначала не хотели? Боялись и не верили... В первый же год, как я сюда приехал, пришлось заделаться мне доктором... Да и не только доктором, — хирургом... Эмпирически сначала я лечил, верней, как шарлатан, но постепенно подучился... *(С улыбкой.)* Теперь бы мог экзаменты держать и стать профессором по медицине.

ЛИЗА.

Да, здесь народ понятия не имеет, что значит доктор! Обращались лишь к шаманам... Вот, Сашенька, жалеть-то будут, как отсюда мы уедем.

- РАДИЩЕВ. Да... живут почти что так, как звери, и отличаются от них лишь членораздельной речью... Но мы с тобою, Лизанька, отчасти их расшевелили — немало более общительными стали, не лежат в своих берлогах, как медведи.
- ЛИЗА. Да, знаешь? Парень из Мамырья, которого ты вылечил, перед Рождественским постом женился! На той неделе приходил и попросил букварь „на вечное“ ему отдать. Я подарила... (с улыбкой). Небось, своих детей, которых народит, учить собрался.
- РАДИЩЕВ. Значит труд твой даром не пропал, и парень он способный. А вчера ко мне пришли мужчина с женщиной — тунгусы и в ноги кинулись — благодарили за ребенка, которого я вылечил когда-то от запущенной трахомы. Бедняги думали, что он слепой! Ну, здесь я все собрал, пойду сложу все в одно место!..
- ЛИЗА. Возвращайся только поскорее. Мне что-то стало вдруг не по себе... мне страшно быть одной... Меня не покидает мысль, что скоро я... умру...
- РАДИЩЕВ. Да, что ты, Лизанька, гони такие мысли. Болезнь не так опасна.
- ЛИЗА. Нет, Александр Николаевич, ты не знаешь... мне очень плохо... очень... Я до России не доеду... (Вдруг разрыдалась) Умру я, Сашенька, умру!
- РАДИЩЕВ. Ну Лиза... Лизанька, ну что ты?

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина десятая

В НЕМЦОВЕ

Действие происходит в простой избе разорившегося имения Радищева, под Калугой. Поломанная мебель красного дерева, но чья-то заботливая рука старается придать уют и чистоту: занавески на окнах, цветы... Катя—дочь Радищева, девочка лет 16, метет пол свеженарезанным березовым веником, напевая наивную французскую песенку *) Яркий солнечный день, окна в сад открыты. Входят два офицера: Василий и Николай Радищевы)

ВАСИЛИЙ и) (*щелкая шпорами*) Желаем здравствовать,
НИКОЛАЙ) сударыня.
КАТЯ (*положив веник, чинно присела*) Здрав-
ствуйте.
НИКОЛАЙ. Осмелюсь вас спросить—вы не Радище-
ва Екатерина?
КАТЯ. Да, это я...
НИКОЛАЙ. Тогда... Катюша, здравствуй! Я брат
твой, Николай (*заключает в объятия*).
ВАСИЛИЙ. (*тоже обнимает*). Сестренка Катя! Я—
Василий.

CADET ROUSSELLE

(Кадэ Руссель)

*) Cadet Rousselle a trois maisons, (2 раза)
Qui n'ont ni poutres, ni chevrons, (2 раза)
C'est pour loger les hirondelles.
Que direz vous, Cadet Rousselle?
Ah, ah, ah, mais vraiment,
Cadet Rousselle est bon enfant.

* * *
Cadet Rousselle a trois garçons (2 раза)
L'un est voleur, l'autre est fripon (2 раза)
Le troisième est un peu ficelle,
Il ressemble á Cadet Rousselle.
Ah, ahl etc.

С. Толстой — Сборник старинных французских песен
Огиз—Музгиз—Москва, 1955 г.

- КАТЯ. Какие ж оба вы красавцы!... и... в мундирах!...
- НИКОЛАЙ. А ты как выросла... и не узнать...
- ВАСИЛИЙ. А где отец?
- КАТЯ. Он отдыхает. Давайте говорить потише.
- НИКОЛАЙ. Ну, как вы все живете?
- КАТЯ. *(сели на диван; Катя в середине)*. Живем неплохо. Только папенька в нервозном состояньи. И в ипохондрии... Никак не может позабыть, как тетя Лиза померла... в Тобольске, когда мы ехали сюда.
- ВАСИЛИЙ. Да, не везет ему.
- КАТЯ. То мама умерла, когда мы маленькие были, теперь вот—тетя Лиза. Да и забот у папеньки так много!
- ВАСИЛИЙ. А где же остальные—Павлик и тети Лизины детишки?
- КАТЯ. Я в сад их прогнала с Дуняшей, чтоб папеньке уснуть здесь не мешали.
- НИКОЛАЙ. А как же сама пела?
- КАТЯ. Это ничего... он любит, когда тихонько я пою... он лучше засыпает... Говорит, что маменька всегда так пела.
- ВАСИЛИЙ. *(оглядываясь)*. А почему в избе вы поселились? И потолок вон протекает.
- КАТЯ. Ведь, дом-то каменный разрушен, все в разорение пришло, сад вымерз... забор и тот весь разломали... Долгов на папеньке страсть сколько. Мебель увезли; посуду тоже, на двух возках ее сложили, и сервиз саксонский, бабушкин подарок, тоже. Папенька всем этим очень озабочен... Все говорит: „как жить-то будем, совсем я выбился из колеи... В Илимске лучше было, хоть и в ссылке... и дела нет здесь никакого“... Я все стараюсь подбодрить его, как тетя Лиза, да не умею... Но все-таки он много пишет и занимается по определению состава здешней почвы; а по Сибири у него большие есть работы, которые он

графу Воронцову отослал. Мы с Павликом всегда смотрели, как опыты с землей он делал... интересно! и печка там была построена большая, в которой все он кипятил... и записи все делал... я помогала папеньке всегда.

ВАСИЛИЙ
НИКОЛАЙ.
КАТЯ

(целуя ее в голову). Сестренка, милая... Катюша, хотела бы ты в Смольный? *(радостно)*. Да, я хочу учиться! Я подготовлена недурно папенькой и тетей Лизой...

НИКОЛАЙ.

Тогда—поедем с нами в Петербург, Александр Романыч привезти велел тебя и Павлика.

КАТЯ.

А папенька - то как же? Кто позаботится о нем?

РАДИЩЕВ

(голос из соседней комнаты). Катюша, с кем ты там?

КАТЯ

(подбегая к перегородке). Папенька, вставай скорее. Иди сюда! Большая радость!

РАДИЩЕВ.

Какая радость? Что ты там стрекочешь, егоза?

КАТЯ.

А ты иди скорей... увидишь.

РАДИЩЕВ

(показывается на пороге, в халате, сильно постарел; увидел; вытянувшихся в струнку офицеров). Чем могу служить? Опять арест? Иль обыск?

НИКОЛАЙ.

Отец, не узнаешь?

ВАСИЛИЙ.

Ни первенца и ни второго?

РАДИЩЕВ

(протягивая к ним руки). Николка! Вася!.. вы? Вот радость-то, а я-то думал... Ну, садитесь... Рассказывайте все... Отчего не написали? Нагрянули, как на голову снег?

НИКОЛАЙ.

Сюрприз хотели сделать.

ВАСИЛИЙ.

Нам Александр Романыч выслал денег, чтобы с тобою повидаться мы могли... командир дал отпуск, и вот из Киева мы прискакали.

НИКОЛАЙ.

По дороге заезжали в имение к графу

- Воронцову. Письмо прислал тебе... и вот пакет из Петербурга, присланный ему недавно... *(Вынимает из-за пазухи)*. Давай, давай... сейчас прочту. *(Встал, отходит к окну и распечатывает один конверт)*.
- РАДИЩЕВ. *(тихо)*. Как постарел отец и выглядит как плохо... поседел, а, ведь, годов ему немного.
- ВАСИЛИЙ. Еще бы! Думаешь—в Сибири жить приятно? Да под стражей? И горя сколько перенес.
- НИКОЛАЙ. *(радостно)*. Разрешение поехать мне, в Саратов, к старикам. А что же Александр Романыч пишет? Ну-ка почитаем... *(Читает другое письмо)*.
- КАТЯ. Папенька, и я с тобою к бабушке поеду?
- РАДИЩЕВ. Да, да, конечно, все!... Сейчас в Саратов мы поедем, потом... вот пишет граф, что он хлопочет—привлечь меня к работе в комиссию по составлению нового указа в судопроизводстве, что знания мои весьма необходимы, что кругом не видит он людей... все ретрограды...
- НИКОЛАЙ. Вот, здорово, отец! Поедешь ты в столицу! Не будешь, как отшельник прозябать!
- РАДИЩЕВ. Да, да! Вот съезжу к старикам... а осенью в Москву и дальше—в Петербург и... за работу!... Ведь, сколько пользы можно принести, составив верные законы! Сегодня же давайте собираться!
- НИКОЛАЙ и ВАСИЛИЙ. } Ура! Ура!
- КАТЯ. *(прыгает)*. И я увижу Петербург! И поступлю учиться в Смольный. Подружки будут у меня... Театр Эрмитажный я увижу... Вот хорошо-то! Весело-то как!
- РАДИЩЕВ. *(обнял ее)*. Ах, ты, дочурка, дорогая!

- КАТЯ. К Глафир Иванне Ржевской я поеду, тети Лизиной подруге... все пишет мне... к себе зовет...
- РАДИЩЕВ. Ну, детки, ваш отец не даром проволочит свое существованье... Все силы приложу, чтобы улучшить жизнь у нас в России!

К а р т и н а   о д и н н а д ц а т а я

В ПЕТЕРБУРГЕ. 1802 год

Столовая в квартире Радищева. Небогатая обстановка, обеденный стол, буфет (сервант), большой диван... В этой же комнате живет один из сыновей Радищева; в углу небольшой письменный столик, полка с книгами. На серванте стоит небольшое зеркало и бритвенный прибор, тут же стоит бутылка с жидкостью для чистки металлических вещей. Катя сидит около серванта и усердно чистит эполеты брата. Николай входит с платяной щеткой и только что вычищенным мундиром в руках.

- КАТЯ.   Николенька, вот посмотри...как будто хорошо, блестят отлично. Я вытравила крепкой водкой все потемневшие места.
- НИКОЛАЙ.   Ты прелесть у меня, сестренка. За это— я сейчас поеду и куплю тебе живых цветов у Эйлерса. На бал с собой возьмишь.
- КАТЯ.   Ну, хорошо... я бутоньерку приколю здесь, на плечо...Да только много денег не истрать. Купи каких-нибудь попроще... и немного...несколько гвоздик иль...одну розу!
- НИКОЛАЙ.   Тебе пора уж одеваться! Просили всех пораньше приезжать.
- КАТЯ.   Сейчас оденусь... мне недолго... Глафир Ивановна мне платье подарила! чудо, прелесть! бледно-голубое!
- НИКОЛАЙ.   Беги, Котенок, одевайся. Я эполеты прицеплю и в магазин поеду. К возвра-

- КАТЯ. щенью моему чтоб ты была уже готова
Хорошо!
- (Входит Иван Петрович Пнин).
- КАТЯ (*говорит ему на ходу*). Иван Петрович!
Здравствуйте! Вы посидите с Колей...
и я сейчас приду, лишь платье баль-
ное надену. Мы сегодня к Ржевским
едем. (*Убежала*).
- НИКОЛАЙ. Поэт любезный, друг искренний, защит-
ник угнетенных, поэт-философ, здрав-
ствуй, как дела?
- ПНИН. Здравствуй, Николаша. Эпитетов-то
сколько! Я их не заслужил. Дела и пло-
хо и отлично. Отлично тем, что при-
нят в члены „Общества любителей сло-
весности наук, искусства.“ И принят я
единогласно. А плохо тем, что денег
нет ни гроша.
- НИКОЛАЙ. Как ни гроша? Недавно за статью ты
получил. Иль роздал все „нуждающим-
ся, бедным“?
- ПНИН (*виновато по-детски улыбается*).
- НИКОЛАЙ. Эх ты! „Для души чувствительной и
нежной терпеть и бедствовать есть
жребий неизбежный“...ты вроде наше-
го папаши, тот вечно все раздаст. (*До-
стает деньги*.) На, получи десятку. С
тобой по-братски я делюсь—одну тебе,
другую оставляю для себя. Смотри по-
береги...да заплати-ка лучше за обеды.
- ПНИН. Спасибо. Верну на той неделе. Иль да-
же раньше, как получу аванс. Отдам
в печать одну статью и оду „Человек“,
ты не читал еще? Я захватил с собою
черновик, прочти.
- НИКОЛАЙ. Давай, давай, Иван Петрович. Я стихи
люблю, особенно, когда ты пишешь. И
кабы не служил в полку, то занялся бы
сам литературой и в ваше „общество“
вступил бы. Как это дико, что офицер-

ПНИН

ству запрещают писателями быть. Брошу службу, непременно брошу.

(говорит нарочито с пафосом). „Писатели ни что иное, как соблазнитель, развратники и общества враги, в коем сеют семена пороков, заблуждений“... На эту тему к нам в журнал прислал статейку некий пылкий патриот и требует настойчиво, чтоб поместили... для блага родины, как пишет он. Мы посылаем его к чорту, а он не отстаёт. Фамилия его—Сосновский...

НИКОЛАЙ.

Вот кретин!

ПНИН.

И на науки нападает. В них видит грех для государства!... *(Николай прикрепляет эполеты)*.

(Входит Воронцов).

ВОРОНЦОВ.

А, Иван Петрович. Рад вас видеть. Здравствуй, Николая, а где родитель твой?

НИКОЛАЙ

(поспешно надевает мундир, идет навстречу, с радостью). Александр Романович?

ВОРОНЦОВ

(целует Николая в лоб, здороваются также с Пниным). Здравствуйте, Иван Петрович.

НИКОЛАЙ

Папенька еще на заседании комиссии... Еще не возвращался.

ПНИН.

Заседание окончилось, я заходил туда, и мне сказали, что Александр Николаевич остался говорить о чем-то с графом Завадовским.

ВОРОНЦОВ.

А ты куда собираешься, мой друг?

НИКОЛАЙ.

Сегодня небольшая вечеринка у Ржевских.. я обещался непременно быть с сестренкой.

ВОРОНЦОВ.

Танцуй, танцуй, mon ange... я знаю, что ты любишь веселиться. Да и не грех: об деле ты не забываешь. Служака ты отличный. Ну, как здоровье отца?

НИКОЛАЙ.

Да все не важно. Наш лекарь полковой

бывает у него... отец лекарства принимает, а улучшения не видно. Врач говорит—система нервная вконец изношена, необходим покой. А папенька, вы знаете, какой—волнуется всегда и плохо спит.

ВОРОНЦОВ.
НИКОЛАЙ.

Он пишет много?..

ПНИН.

Все по ночам работает... Сейчас закончил уложения гражданского проэкт.

Он нам частично уж читал, мне и Каразину... Я нахожу—проэкт весьма полезен. Там говорится о равенстве для всех пред законом, о введении суда присяжных, об отмене телесных наказаний, об освобождении крестьян, а вместе с тем и их продажи с торгу или в рекруты... Я думаю, пора бы уж все это в жизнь проводить, а то в наш век толкуют много о свободе, а продают до сей поры рабов. Идеи просвещения проникли к нам большим потоком света, а тьма невежества сгустилась еще больше.

ВОРОНЦОВ.

Да, между нами говоря, ее величество, покойница, лишь на словах свободу признавала и милосердие ее все строилось на честолюбьи. Великой просветительницей была в стране медвежьей нашей лишь для иностранцев да дворян... не для народа. Да... вот теперь посмотрим, что-то будет делать внучек. Я упования большие возлагаю на него... С таким раденьем принялся за управленье, да и людей передовых старается привлечь к делам. Вот подождем—увидим. А в проэкте Александра Николаевича многое весьма полезно, дельно... но освобождать крестьян еще не время. Пока же надо ограничить власть, вернее—произвол помещиков, дать грамотность всеобщую крестьянам—тогда уж думать об освобожденьи.

- ПНИН. Ваше сиятельство, я нахожу, что вы неправы: просвещение не может примириться с рабством, потому необходимо крестьян освободить. Народ свободный сам ринется к наукам, к просвещенью... Я сейчас работаю над книгой „О просвещении в России“, как раз я эту мысль там провожу.
- ВОРОНЦОВ. Напрасно... труд пропадет ваш даром. Цензура запретит. Не всякая истина должна быть напечатана...
- НИКОЛАЙ. Но, ведь, хуже будет, если народ задавленный сам пожелает сбросить иго и государством управлять?
- ВОРОНЦОВ. До этого, мой друг, ух, как еще далеко. Сейчас настолько темен наш народ, что без царя жить не захочет. Нужны реформы лишь, а не коренная ломка. И твой отец, Николка, большую пользу принесет по составлению законов. Он отличается от всех своей, на редкость, чуткою душою, я уж не говорю о знаниях его, большом уме и редкостной трудоспособности.
- ПНИН. Да, Александр Николаевич—человек вперед ушедший от своей эпохи на несколько десятков лет.
- НИКОЛАЙ. Но не дадут ему работать...слишком много в комиссии людей, держащихся за старину! Он каждый раз, как с заседания приходит, находится в сильнейшем беспокойстве и раздраженьи, всегда твердит: „нет, нет, работать невозможно.“
- ВОРОНЦОВ. Это очень плохо, что у него так мало выдержки, и он не может свою нервозность побороть. Николушка, скажи отцу, чтоб он ко мне приехал непременно, я должен с ним поговорить... Сейчас мне ждать его не время...И ты скажи ему, чтоб он умерил бы свою

горячность и...сдержаннее мысли выразил, ведь, от себя зависит—по Невскому прогулки совершать или в Сибири жить...Вторично защитить его мне не удастся, хоть император и считается со мной. Вот и сестру мою мне еле-еле удалось из ссылки выволить при Павле. При всем уме своем она не понимала, что правду говорить царям в глаза нельзя. Не сдержалась, наговорила что-то Павлу, вот он ее и выслал из столицы, вдобавок дружбу с матерью своей ей не прощал. Теперь она сама не хочет возвращаться в Петербург, а хочет жить в своей деревне...на покое, Мемуары пишет...и прошлым лишь живет...

(Входит Радищев).

- ПНИН. А вот и Александр Николаевич.
ВОРОНЦОВ. Bonjour, monsieur le démocrate!
РАДИЩЕВ. Ваше сиятельство, коль не хотите погубить меня, то демократом не зовите. Быть демократом в наше время—не позволяется. Опять в Сибирь сошлют.
- ВОРОНЦОВ. Александр Николаевич, голубчик, сбрось ипохондрию, шути...будь эгоистом...на мир повеселей смотри. А то заладил все одно: Сибирь, Сибирь...Пора забыть об этом.
- РАДИЩЕВ. Забыть-то трудно, вот и теперь Сибирью мне грозят.
- ВОРОНЦОВ. Да кто?
РАДИЩЕВ. Граф Завадовский.
НИКОЛАЙ. Вот старая лиса.
ПНИН. За что?
РАДИЩЕВ. За то, что я пишу опять не то, что нужно им.
- ВОРОНЦОВ. Александр Николаевич, мой дружочек, я вижу, ты сейчас устал, поди приляг и отдохни, потом попозже приезжай ко

мне—мы обо всем подробно потолкуем. Сегодня будет у меня Сперанский. Ну; друзья мои, прощайте. (*Похлопал по плечу Радищева.*) Courage, courage mon cher ami. (*Ушел.*)

РАДИЩЕВ (*садится; вся его фигура выражает подавленность духа и усталость*). Ну что, Иван Петрович, скажете?

ПНИН. Да вот принес я, Александр Николаевич, мою работу: хотел бы очень, чтоб вы прочли и сделали поправки; да вижу, вам сейчас не до того, я занесу потом.

РАДИЩЕВ. Нет, мой голубчик, я прочту. Вот полежу немного и примусь за чтение. Я вас считаю даровитым человеком и все, что пишете, весьма мне интересно. Ну, что вы принесли?

ПНИН (*передает толстую тетрадь*).

РАДИЩЕВ (*читает заголовок*). „Опыт о просвещении относительно России.“

ПНИН. Александр Николаевич, эпиграф вы прочтите к книге.

РАДИЩЕВ (*читает*). „Блаженны те государства и те страны, где гражданин, имея свободу мыслить, может безбоязненно сообщать истины, заключающие в себе благо общества.“ Как отраднo видеть мне, Иван Петрович, что в вас я нахожу писателя, который мыслит так же, как и я... Я очень благодарен вам. Вы разрешите мне наднях зайти и выслушать сужденье?

РАДИЩЕВ. Да, да, Иван Петрович, приходите.

(Пнин прощается и уходит).

РАДИЩЕВ (*говорит как бы сам с собой*). Нет, я бороться с ними не могу... Писать о доблести, к поступкам смелым призывать, будить сознание и быть проводником гражданских чувств—все это я

НИКОЛАЙ.

могу, но по своей натуре, сам к героизму я не склонен. Мое раскаянье и отречение от книги, как камень, давит мою душу. Ничтожество свое я сознаю. Отец, как можешь говорить так! Зачем себя так унижать? Ужель возможно устоять и проявить геройство пред ухищреньями и произволом абсолютной власти? Когда ты видишь, что ты один... и нет людей, которые бы смело и открыто встали на защиту как самого тебя, так и твоих идей.

РАДИЩЕВ.

Во мне геройства нет. И стар я становлюсь. Наднях граф Завадовский упрекал меня... когда остались мы вдвоем, говорил мне, что напрасно послушал Воронцова и пригласил меня в комиссию работать... и зло так говорил: „Вы своим радикализмом всех нас подведете, а нам по вашей милости совсем не хочется в „немилость“ государю впасть. Мне Воронцов о вас писал, что не по умыслу дурному, а лишь по легкомыслию... в беду за сочинительство свое попали, что за дарованную милость—возвращение из ссылки, постараетесь загладить свою вину перед отчизной. А вы, мой дорогой, опять за старое взялись — свои идеи вольности желаете внедрить во что бы то ни стало. Какое же это составление законов? Вы думаете, что Сперанский да Чулков проекты ваши одобряют, так вся комиссия в восторг придет? Ну, нет, мой батенька, там люди здравые сидят... И не допустят!“...

НИКОЛАЙ.

Отец, не обращай на старика вниманья, пусть ворчит... законы утверждать не он, ведь, будет... царь! А Александр Павлович гуманнейший и умный государь.

РАДИЩЕВ. Нет, Коленька, все на словах они гуманьны, самодержцы! Фонвизин говорил, что государыня Екатерина сняла оковы с рук сочинителей, открыла путь свободный к просвещенью... позволила печатать в вольных типографиях свои труды. Но сколь он ошибался,—типографья разрешила, а за печатанье—Сибирь, коли не то печатали, что нужно было только ей, как абсолютной самодержце. При Павле еще хуже—само безумье на престоле было. Теперь при Александре—та же песня—все, что ни предложишь по составлению законов, все разбивается, как об скалу. Нет, я откажусь работать с ними, я не буду... я не буду... не дадут!..

НИКОЛАЙ. Чем мучить так себя, уж лучше откажись, отец.

РАДИЩЕВ. Сегодня Завадовский, знаешь, что сказал: „Охота, Александр Николаевич, тебе попрежнему пустые сыпать фразы и вольнодумством заниматься. Ведь, ты не юноша,—старик, иль мало ты в Сибири побыл?“.

НИКОЛАЙ. Отец, да брось твердить все об одном и том же.

РАДИЩЕВ. *(вдруг с страшной запальчивостью кричит)*. Нет, я не брошу! Меня сошлют в Сибирь, сошлют! Никто, никто меня спасти не сможет! Я от идей своих раз отказался и мучился всю жизнь свою... себя не уважал... другой раз не пойду на сделку с совестью. Такое молодущье проявлять—позор! позор!

НИКОЛАЙ. Папенька! Да успокойся! Я сейчас пришло к тебе Катюшу и принесу лекарство. Нельзя же так себя терзать! Никто тебя не тронет и не пошлет в Сибирь. *(Ушел)*.

РАДИЩЕВ *(говорит, как помешанный)*. Нет, все они как сговорились, все нападают на меня. Но я, как Галлилей скажу: „а все-таки она вертится“. Пусть, пусть меня казнят... Я от идей своих не откажусь... Нельзя же жить всем так, как звери! *(Нервно ходит по комнате.)* Но где?... но где же силы взять бороться с ними? Я не могу... я чувствую, что все усилия напрасны... а жизнь без цели—для меня позор... уж лучше разом все прикончить. Спокойствия я не найду! *(Хватает бутылку, наливает стакан и разом выпивает; задыхаясь, падает на стул, судорожно хватается за грудь, за горло, видит лежащую на серванте бритву, берет ее и хочет перерезать горло... В это время входят Николай и Катя. Оба бросаются к отцу.)*

НИКОЛАЙ. Отец! Что ты хочешь сделать? *(схватил за руку)*.

КАТЯ. Папенька! Остановись!

РАДИЩЕВ *(хрипя, с большим трудом говорит почти беззвучно)*. Николушка! Не отнимай... все равно умру... лишь мучиться я дольше буду... Я выпил кислоты... а так прикончу разом...

НИКОЛАЙ *(вырывая у него бритву)*. Отец! Опомнись! Будь мужчиной!

КАТЯ *(с отчаянием)*. Папенька, родной мой, что ты сделал! *(Усаживает его в кресло; Николаю)*. Скорей за доктором беги! *(Разрыдалась, опустилась на колени перед креслом. Николай убегает.)* Отец, зачем, зачем ты это сделал?

РАДИЩЕВ. Моя дочурка, дорогая, прости меня... Вам... легче будет без меня... Вам... меня заменит Александр Романыч, он любит всех вас, как родных... Ему скажите, чтоб меня простил... я поступил, конечно, малодушно... но вся душа

моя не знала ни минуты спокойствия... изныла вся душа... на грани умопомешательства я находился... своей персональной лишь жизнью вам осложнял... Ой, как жжет внутри...

КАТЯ. Да чем же мне помочь тебе—не знаю!
РАДИЩЕВ. Тебя, мою Катюшеньку, измучил. (*Положил ей на голову свою руку.*) Ишь личико какое... ни кровинки, а все из-за меня—ты возишься всегда со мной, как с тяжело-больным... так лучше разом кончить!

КАТЯ. Папенька, молчи... не мучь меня!
РАДИЩЕВ. Вам легче будет... я раздражительный, больной!...

КАТЯ. Папенька! зачем меня так обижаешь! Мне легче быть не может без тебя! О ком заботиться я буду? Я никогда, я никогда не успокоюсь, если ты умрешь. Что я скажу сестренкам меньшим, братцу? Ведь, спросят—где отец? Нет! Нет! Ты должен жить! Не умирай!

РАДИЩЕВ. Да, Катя, да! Преступник я! Что сделал?!.. Я должен жить! Скорей бы доктор приходил. Как плохо мне... все жжет внутри... (*Вскочил.*) Дай мне воды... скорей, Катюшенька... скорей. (*От боли мечется по комнате.*) Сама уйди и не смотри так на меня... Что сделал я? Сиротами оставил вас...

КАТЯ. Нет, папенька, я не уйду! Да чем же мне помочь... что в этих случаях дают? Не знаю!!! (*Обняла его.*)

РАДИЩЕВ. Да, да, не уходи... не оставляй меня... а то умру один... (*Катя опять усадила его.*) Да обейми меня покрепче, чтоб я знал, что здесь ты... не ушла...

КАТЯ. (*прижала его голову к своей груди.*) Нет, папенька, ты не умрешь... спасем тебя... сейчас приедет доктор...

(Поспешно входят Н и к о л а й, доктор и П н и н).

НИКОЛАЙ. Сюда, сюда, скорее, доктор, помогите!
ДОКТОР. Что выпил он? *(Смотрит бутылку.)* Скорее молока... Воды горячей приготовьте... снесите на постель. *(Катя убежала.)* Быть может, мы еще спасем... Зависит от того — насколько сильный был раствор в бутылке...

ПНИН *(к Радищеву)*. Александр Николаевич, возьмите-ка меня за шею, обопритесь. *(Хочет взять его под плечи.)* Николенька, ты за ноги носи.

(Руки Радищева падают, как плети).

ДОКТОР. Он в обмороке... Это плохо... Выдержит ли сердце... *(Унесли).*

(Входит Катя, подходит к двери).

КАТЯ. Вот молоко... Вода сейчас нагреется...
ПНИН *(берет кувшин)*. Я отнесу... *(Ушел сейчас же вернулся.)* А вы, Екатерина Александровна, побудьте здесь, туда не надо вам. Доктору Николенька поможет.

КАТЯ. Хорошо... Я здесь побуду... *(Села. Томительное ожидание.)* Вот ужас-то, Иван Петрович, только бы не умер!

ПНИН. Не надо падать духом! Быть может, все и обойдется...

КАТЯ. Нет, не обойдется... Он выпил целый, ведь, стакан! И сердце слабое у папеньки... Не вынесет мучений... Какие злые люди... За что так издевались над ним?.. Ведь, он хотел добра для всех, хотел улучшить жизнь, чтоб не было несправедливостей вокруг...

(Молча выходит Николай, Катя бросается к нему).

КАТЯ. Ну, что, Николенька?
НИКОЛАЙ *(обнял ее)*. Катюша... Папенька скончался...

ЗАНАВЕС.

Ответственный редактор КОКОРЕВ И. В.
Технический редактор ШТЕЙМАН Г. Д.
Корректор Мышьянов А. И.

Сдано в набор. 25/IX 1936 г. Подписано к печ.
15/XI 1936 г. Формат бумаги 82 x 110^{1/2} д. л.
Печ. листов 6. Бум. листов 3. Авт. лист 4,5
Тираж 3000 экз. Зак. № 32. Индекс X 8 в. Бу-
мага фабрики „Герой труда“. уполномочен-
ный Крайлита № 885.

Типография изд-ва „Красн. рабоч.“,
Советская, 57. Зак. № 2844

